

СМЕРТЬ В ХУРГАДЕ

1

Из автобуса я вышел последним. С легкостью балерины и дежурной улыбкой Гуимплена на празднике жизни. Несмотря на ранний час – по местному времени еще не было десяти – Египет уже включил свое безжалостное пекло, и горячий воздух, как гостиничный фен обжигал лицо, вышибал пот и буквально прилипал к рукам.

Точным движением я скинул со лба на нос солнцезащитные очки. Легко, словно игрушку принял у орудовавшего в багажнике водителя сумку и, не дав подскочившему арабскому мальчику перехватить ее, гордо понес в отель сам. И, в общем-то, правильно сделал: через какую-то минуту египетская пирамида из объехавших полмира чемоданов, спешно поставленных на тележку, рассыпалась, как карточный домик, едва смуглолицый парнишка тронул ее с места. Хорошо, что хозяйки багажа не видели этого ужаса, а то бы неуклюжий юноша уже завтра остался без работы. Словно застигнутый врасплох фетишист, он по-черепашьи вертел своей маленькой кучерявой головой и торопливо собирал замотанные скотчем чемоданы. А их владелицы уже штурмовали рецепшен, как некогда турки-сельджуки Каир.

- Мистер, мистер! – надрывалась потная шкафоподобная тетка в белой панаме, протягивая администратору свой краснокожий загранпаспорт – Пожалуйста, номер с видом на море! Как это будет по-английски? Ризенд э рум с видом на море! Зе сии!

- Oh yes!

- Мистер! Э дабл! Номер на двоих!

- Девушка, извините, но вы подошли позже нас! – не только словами, а и всем своим юрким змеиным телом оттесняла конкурентов сухощавая женщина, напоминающая мопса. – Люди не хуже вас стоят в порядке живой очереди!

- Вот и стойте себе на здоровье, - хладнокровно парировала девица. – Будет вам известно, мы первыми к стойке подошли, скажи, Кира!

- Да, - басовито отвечала Кира, по всей вероятности женщина-тяжелоатлет. - Хоть за границей дайте отдохнуть от совка!

Слово «совок» на «мопса» подействовало, словно ее дернули за поводок. Она ослабила натиск. И уже больше для собственного успокоения, чем для окружающих пропыхтела себе под нос:

- А причем тут совок? Привыкли везде напором брать, хамки! Правду говорят, что наглость – второе счастье.

В огромном, как дворец кондиционированном холле играла живая музыка. Я долго не мог понять, откуда. Прошелся к снующим вверх и вниз стеклянным кабинкам лифта и застыл перед сидящей за роялем пианисткой. Отель имел пять звезд.

- А мне здесь нравится! – подкрался сзади Рома Красилин.

В белой рубашке, светлых брюках и туфлях этот молодой человек по всем параметрам соответствовал облику иностранца. Причем, не какого-нибудь там

обрюзгшего бургера или коротышки итальянца, а истинного джентльмена, прикатившего в Африку с берегов туманного Альбиона. И только массивные швейцарские часы на правой руке и золотая цепочка на шее выдавали в нем русского.

Оказавшись рядом в хвосте самолета «Красноярских авиалиний», мы с Романом тихо уговорили пол-литровую бутылку виски и договорились поселиться вместе. Хотя за дополнительную плату в двадцать долларов каждый из нас мог без проблем получить отдельный стандартный номер с видом на море.

- Женщины на рецепшене напомнили мне былые советские очереди за останкинской колбасой по два двадцать, - улыбался Роман. – Чуть не порвали друг другу волосы...

- А в самолете такими приличными казались, - подыгрывал я. – Что будем делать? Забираем вещи – и мотаем в другой отель?

- Я уже думал об этом... Но есть одно но! – Роман развернул меня в сторону рецепшена, где стояли две обалденных девицы. – Как тебе эта сладкая парочка?

- Переезд отменяется.

- А я уже знаю, как их зовут, - демонстрировал свои таланты Роман. – Та, что в белой курточке – Ира, а в кофточке – Вера. Обе из Подмосковья. В Египте впервые, приехали на неделю. Есть предложение включить их в нашу ознакомительную программу. Кто «за»? Кто «против»? Кто «воздержался»? Принимается единогласно. Тогда я, Валер, если не возражаешь, «забываю» белую курточку!

- А мне, как Киркорову достается розовая кофточка.

- Увы, но так распорядились небеса.

Против небес я не возражал.

2

В уютном просторном номере нас ждал сюрприз – на столе красовалась аккуратно закрученная в целлофан и завязанная сверху голубым бантом ваза, полная фруктов.

- А где бухло? – бросив дорожную сумку у порога, заходил возле стола, как лиса возле винограда Рома. – Бухло где, спрашиваю? Одни фрукты, блин! Словно мы апельсинов и яблок в жизни не видели! Хоть бы бутылочку шампанского для приличия поставили. Оп па! Да тут кажется еще какой-то конвертик!

- Конвертик? - подошел я, чувствуя, что без моего участия Роману явно не обойтись. – И с чем же?

- Смею тебя разочаровать, не с деньгами.

В не заклеенном конверте находилось красочное на фирменном бланке отеля приглашение, написанное на русском языке:

- Дорогие гости! – прочитал я вслух. - Наш генеральный менеджер приглашает вас завтра на Восточное Шоу. Встретимся в холле отеля в 19:30. С уважением Анжела.

- А кто такая Анжела? – задался вопросом Рома.

- Анжела? Наверное, какая-нибудь русскоговорящая сотрудница принимающей стороны? Или ты думаешь, что это одна из наложниц генерального менеджера?

- В любом случае Анжелино приглашение надо бы обмыть! Может, по двадцать грамм водочки для заговздорочки? Под фрукты?

«Ну, вот стоило лететь за тысячи километров, чтобы после приземления тот час продолжить уничтожение алкогольных запасов? - промелькнуло у меня в голове. – Как будто в самолете мало накатили!»

- Давай попозже! – натягивая плавок, резонно предложил я. – Первым делом – море! Ну, а девушки и водка на потом!

- Кто бы спорил, – уступил сосед.

Как киношные советские разведчики в тылу врага мы пошли по отелю искать выход к морю... И вышли к прачечной, где в полном одиночестве скучала одетая во все черное толстая, как слониха арабка.

- Мархаба! – первое, что мне пришло в голову, произнес я, скаля зубы, но, вспомнив, что я не в Турции, исправился. – Ассалам алейкум!

- Ва-алейкум ассалаам! – ответила женщина, не поднимая головы.

- Ты, блин, лучше спроси у нее, как на пляж пройти, - горел от нетерпения Рома.

- Сам спроси!

- Мадам, плиз... как нам пройти на пляж?

- Бич... свимин...

Общими усилиями с помощью английского на уровне школьной программы и куда более красноречивых жестов нам все же удалось узнать нужное направление. А метров через пять его подтвердил и настенный указатель. Мы быстро, чуть ли не бегом спустились по лестнице, миновали какой-то темный коридор и, увидели свет в конце облицованного кафелем туннеля. Нам повезло. Это был выход на пляж. Сгорая от нетерпенья, мы выскочили наружу и остолбенели от неопишуемой словами красоты.

Я где-то читал, что Красным море назвали из-за цвета украшающих его дно коралловых рифов. Здесь же морская поверхность была иссиня синей. И вся эта безбрежная синь, светлеющая по мере приближения к берегу играла яркими солнечными бликами. Легкий бриз с шумом выгонял на песок вздымающуюся пеной волну. Так близко я видел Красное море впервые, и мне не терпелось кинуться в его объятия.

- Ну, что? С Богом?! – по-хозяйски сложив вещи на ближайший шезлонг, засеменял по раскаленному песку Роман.

Я пошел следом. А уже через минуту мы, как две небольших торпеды рассекали морскую гладь. Летящие вверх и в стороны брызги переливались всеми цветами радуги. Палящее с неистовой силой солнце, казалось, остановилось в зените. Мы, гогоча и смеясь, отплевывались от соленой воды, ныряли и снова отплевывались. Распластав руки и ноги, качались на убаюкивающих волнах. И лучше нас в этот миг, пожалуй, было только обитающим на глубине разноцветным рыбкам, которых мы зачем-то пытались

поймать. Не знаю, сколько времени продолжалось это безрассудное ребячество, но на берег мы выбрались полностью изнеможенные. Рухнули на горячий песок и закрыли глаза.

А когда открыли, увидели выходящую из морской пены Афродиту. Это, конечно, была Вера, что утром мне сосватал Рома, правда, без розовой кофточки. Изящная, спортивная фигура, длинные ноги и мокрые волосы – это все, что я успел ухватить с первого взгляда. Вторая девушка была пониже и поплоней, и чем-то напоминала известную теледиву Анфису Чехову. Обе с красивым шоколадным загаром, словно полжизни провели в солярии.

- Привет, соотечественницы! – раздевая девушек глазами, вскочил Рома. - Рулите к нам!

- А приставать не будете?

- Конечно, будем, - не был оригинальным Рома.

Как только девушки, словно древнеегипетские богини, снова скрылись в море, Рома, как Кутузов в Филях напомнил о расстановке сил:

- Валер, значит, как договаривались, я беру на себя Ирину, а ты – Веру.

Говорят, что у женщин волос долог, а ум короткий. Справедливо говорят. После часа общения со своими новоиспеченными спутницами мы знали, что девушки родом из подмосковного Королева. Вере - тридцать два, работает заведующей аптекой. Ирине - тридцать, возглавляет салон красоты. Отсюда и их дивный, ровный загар, и прочие дамские штучки. Ирина была замужем, но как все современные бизнес-леди посчитала мужа полным отстоем – и разошлась. Вера за мужем не была, но имеет виды на какого-то большого начальника в управлении фармации, или этот начальник имеет большие виды на нее, но пока у них что-то там не склеивается.

3

Внимательно прислушиваясь к своим спутницам, мы тоже, как бы случайно сливали им кое-какие «военные секреты». Типа давно истосковались в бескрайних северных снегах по солнцу и морю. И вот, мол, наконец-то дождались праздника жизни! По характеру простые и очень, ну, очень скромные парни. Женаты не были, детей на иждивении не имеем, в политических партиях и общественных организациях не состоим. И в то же время не имеем ничего против создания маленького семейного гнездышка, такой ячейки общества, если, конечно, подвернется достойная кандидатура. А пока в свободном полете. В затянувшемся поиске своей второй половинки. Тем более что годы, будь они неладны, берут свое. И нам совсем не хочется под старость лет оказаться в ситуации, когда будет некому подать стакан воды.

Так умно мы говорили. И тут же, словно разыгравшиеся подростки, цепляли друг дружку словами, бесконечно подкалывали, травили анекдоты. Язык, как известно, без костей. Но Египет быстро поставил нас на место! Жара становилась совершенно невыносимой, и нам, утомленным солнцем, не оставалось ничего иного, как только позорно ретироваться в отель.

Ваза с бананами и апельсинами по прежнему не давала Роману покоя.

- Ну, что, может, приступим к дегустации? – сорвав целлофановую обертку, юлой крутился он возле халявных фруктов.

- Да запросто, - меня не надо было долго уговаривать.

- Тогда давай, Валера, за мягкую посадку! – оживился Роман, разливая водку в экспроприированные из ванной комнаты стаканы.

- И за удачный отдых!

Выпили. Отведали презент, присланный генеральным менеджером: бананы и яблоки. Со скуки посмотрели телевизор, полежали, глядя в потолок. Снова налили.

- Может, по бабам? – предложил Рома, - Типа, с инспекторской проверкой!

- Жарко! Вечером ходим. Никуда они от нас не денутся.

- А вдруг?

- По глазам чувствую, что рыбка на крючке.

Словно забравшиеся в школьный сад мальчишки мы дружно навалились на яблоки. Сладкие переспелые фрукты превратились в закуску, а современная пепельница с арабскими иероглифами захлебнулась в огрызках. Не в состоянии твердо стоять на ногах, Роман на четвереньках пополз к мини-бару:

- И чем нас тут сегодня решили побаловать хозяева? Ага... Минеральная вода «Вагака»... Наверное, из какого-нибудь барака? Пиво «Sokara»... Ну, это точно из пустыни! Валер, как ты насчет того, чтобы пролонгировать водку пивом из пустыни? Может, увидим какой-нибудь мираж, а то водка без пива - деньги на ветер!

Пролонгировали – гадость еще та! Не умеют все-таки арабы делать пиво европейского уровня, как, скажем, австрийский «Kaiser»! Или на худой конец чешский «Budweiser Budvar». Или не хотят, потому что не понимают в нем ни уха, ни рыла. Пришлось возвращаться к водке. Растягивали удовольствие, как в камере последнюю сигарету, но бутылка из домодедовского «duty free» оказалась стеклянной, а не резиновой. В России было бы самое время бежать за второй, но мы, как ни странно, вспомнили, что отдыхаем на мировом курорте – и дружно засобирались на «ревизию женского сектора». Огрызки со стола быстро пикировали в урну, бутылки следом за ними – мы старательно навели в номере марафет: вдруг придется принимать желанных, но припозднившихся гостей! Потом в порядке живой очереди, разве что, не наступая друг другу на пятки, полезли под душ, чтобы под ледяными струями хоть немного придти в чувство. Как солдаты, готовящиеся к первому в жизни параду, вычистили зубы и, цепляясь за стены, выбрались в коридор:

- Пошли потихоньку!

- С Богом!

Мы знали, куда идем, и знали зачем. Красные ковровые дорожки с зелеными узорами по краям, как привет из партийного прошлого вели нас к цели. А стратегической целью, которую мы должны были сегодня, во что бы то ни стало, поразить была одна – 343 номер! Чтобы проще запомнить: две тройки и четверка по центру! Словно в дешевом голливудском триллере, мы шагали практически в ногу, и со стороны, наверное, выглядели весьма забавно, вроде мистера Питкина, идущего на войну. Но нам так нравилось, так

хотелось. Главное было не сбиться в ритме, не запнуться и не подвернуть ногу. Мы ощущали себя то моряками, вразвалочку сошедшими на берег после долгого плавания, то хозяевами прерий – ковбоями, пробирающимися ночью к заждавшимся нас женщинам... И тут вышел облом: девушек в номере не оказалось! Видимо, плюнув на нас с высокой колокольни, они отправились обустраивать свою личную жизнь. Для приличия мы, как вышедшие на след революционерок шпики немного потоптались у двери, вслушиваясь в тишину.

- Мы так не договаривались! – обиделся Роман.

И, шевеля сланцами, мы кинулись в погоню.

Правда, почему-то решили начать ее с расположенного на первом этаже ресторана, где к этому времени как раз заканчивался ужин. Ничего другого, кроме дикой ревности в наши нетрезвые головы почему-то не пришло! Мы уже готовились к самому худшему: увидеть наших дамочек в компании с какими-нибудь толстомордыми арабами с не менее толстыми бумажниками в карманах, но к нашему удивлению Веры с Ириной там не было.

Зато бесподобно пахло обжаренной в специях курой. И по своей душевной простоте мы остались перекусить, точнее сказать, закусить. Мы вспомнили, что с утра еще ничего толком не ели, только пили, пили и пили – аппетит разыгрался не на шутку. Особенно привлекательными на вид оказались местные блюда - салаты со всевозможными приправами и пряностями – каждое из них непременно хотелось попробовать. Мы попробовали и разочаровались. Махалиль оказался подкрашенным свеклой, переперченным и пересоленным луком с добавлением оливок, моркови и лимона. Кушари - мелко порезанными макаронами с луком и чечевицей. А салат из сырого протертого кабачка вообще не полез в горло.

И тогда мы решили пойти проверенным курсом: наложили по тарелке куриного мяса с верхом и взяли по кружке пива. Как ни странно, но ближе к ночи арабы научились делать пиво. К нашему удивлению янтарный напиток оказался даже холодным, и перед встречей с прекрасным полом мы основательно им заправились. Тяжело, подстать объевшимся великанам поднялись из-за стола и продолжили поиск коварных соотечественниц. Сначала возле подсвеченного голубым светом бассейна, затем на заполненной малышней анимационной площадке и, наконец, на затихшем к ночи пляже. Там мы их, голубушек, ждущих у моря погоды, и нашли.

- Добрый вечер! Не помешаем? – заговорил Рома, глядя на которого, было невозможно поверить, что в нем полкило водки и два литра пива. Держался он, как стойкий оловянный солдатик. – Какие планы на ближайшие полчаса?

- Да вот думаем искупнуться на ночь, но смелости не хватает, - движением иллюзионистки Ирина вытащила из сумочки пластиковую бутылку виски. – «Баллантайс»! Хотите?

- Хотим! – оживился Рома.

- Извините, но за неимением посуды вынуждены использовать подручные средства... - заметила девушка. – Вы из пробки пить не пробовали?

- Сейчас попробуем! – Рома, как завзятый эстет, подхватил пробку двумя пальчиками, оттопырил мизинец, и шутя опрокинул ее содержимое в рот.

Вожденная тара пошла по кругу, превращая обычный глоток виски в некий ритуал причастия, в котором были задействованы наши губы. Завершив полный круг, пробка пошла по второму. По третьему. Дальше никто не считал, только разговор становился все оживленнее. Наконец, порожняя бутылка тихо спланировала в ближайшую урну.

- Теперь набрались смелости?

- Набрались, - рассмеялась Ирина. – Но у нас еще одна засада – купальники на балконе сушатся.

- А как насчет того, чтобы искупаться по-царски?

- Нагишом, что ли? – рассмеялась Вера. - Покажите пример!

- Да без проблем! – в мгновение ока Рома выскочил из майки, шорт и плавок, и как истинный нудист, сверкая задом, направился принимать соленую ванну. Да еще провокационно зашел: «Ветер с моря дул, ветер с моря дул, нагонял беду...»

Наши спутницы, словно только этого и дожидались: с проворством путан освободились от одежды и, демонстрируя свои бритые лобки, последовали за Ромой.

Говорят, что за компанию и жид удавился, но я снимать плавки не стал из принципа. Может, мало выпил, а может, был морально не готов – и сразу оказался белой вороной. Заметив мою нерешительность, Рома подколот:

- Лозунг металлургов: наша сила – в плавках!

Я не слушал. Набрав полные легкие воздухом и почувствовав себя человеком-амфибией, я красиво ушел под воду. Минуты на полторы. Этого было вполне достаточно, чтобы произвести впечатление. Так что когда я вынырнул на поверхность, мои компаньоны выглядели весьма растерянно.

- Замерз, зайка? - поглаживая Ромкин детородный орган, причитала Ирина. – Ой, как он весь съезжился.

- Ты погрей его – он и воспрянет! - довольно улыбался Красилин.

- Нас бы самих кто погрел, скажи, Вера?

Это был камень в мой огород.

Обернувшись в махровые полотенца, нимфы не спешили одеваться: им нравилось разгуливать в нашем присутствии нагишом, демонстрировать нам свои шикарные загорелые фигурки. Это их возбуждало.

И все же во втором часу ночи наша компания, как пьяное такси, закатилась в 343-й номер. Вот где был полный бедлам! На кроватях, на кресле, на тумбочках лежали и висели разноцветные кофточки, блузочки, юбочки. Все навалом, словно после полуторачасового обыска! Возле косметичек валялись духи, кремы, упаковки каких-то таблеток, расчески...

Но больше всего Романа удивила нетронутая ваза с фруктами. Он смотрел в ее сторону, как загипнотизированный до тех пор, пока Ирина, словно сказочная фея, ни потянула молнию своего дорожного чемодана – и из него как из рога изобилия посыпались бутылки «Ballantines». Мне показалось, что у меня двоится в глазах:

- Сколько их тут?

- Одиннадцать!

- Девчонки, да вы отлично подготовились!

- А то! - Ирина кинула одну из пластиковых бутылок Роману. Тот похозяйски свернул ей голову, и угасающая гулянка переросла в ночную пьянку. Пить девчата умели, но до танцев и исполнения «Подмосковных вечеров» дело, слава Богу, не дошло. Роман заплетающимся голосом, с интонацией официанта из «Бриллиантовой руки» предложил Ирине освежиться.

Уговаривать директора салона красоты не пришлось. Через минуту парочка отвалила с «инспекторской проверкой» в наш номер. А я остался с Верой.

Включили телевизор с российским телеканалом, по которому шли ночные новости. Но мне уже было как-то не до новостей. Пора была переходить от слов к делу. Несколько раз моя рука то загребала Веру за талию, то, как бы исследуя позвоночник, сползала вниз по спине, и, наконец, набравшись смелости, заблудилась между ног.

- А вот это совсем ни к чему! – спокойно говорила Вера, убирая мою руку.

- А что к чему? – словно пятилетний малыш не понимал я. – Что к чему, Вер?!

И тогда она встала и демонстративно ушла в ванную. Закрылась на замок и, судя по ее затянувшемуся отсутствию, видимо, решила устроить себе банный день. Я устал ждать и уже засыпал, когда она, обернутая в полотенце, нырнула под одеяло.

У меня не оставалось выбора. Скинув холодные мокрые плавки на пол, я попытался забраться к девушке под бочок. Но что-то как-то не складывалось, не клеилось. Пока одна моя рука преодолевала сопротивление ее рук, другая решительно вела разведку под одеялом. И, в конце концов, услышал:

- У меня нет настроения. Спокойной ночи!

4

- Ой, мальчики, чего это вы тут хрумкаете? – как электричка подкатила к столику Ирина.

Спешно наложенный макияж не мог скрыть следов бессонной ночи: напудренный носик стал еще острее, от раскосых азиатских глаз остались одни щелочки, нарисованные тропочки бровей практически исчезли.

- Шакшук, - ответил Роман. – Омлет с колбасой и помидорами.

- Ой, Ром, я такое же хочу!

- Вон, видишь, дяденька в белом колпаке жонглирует яйцами над сковородой, попроси у него по-хорошему – он сделает.

Ирина прыснула от смеха.

- И чего я такого смешного сказал?

- Мне послышалось: «пососи у него по-хорошему»...

- Молодец! Как говорится, кто, что хочет, тот то и слышит.

- Не виноватая я, раз мне так послышалось! – девушка схватила Рому за шею. – Придушу – будешь издеваться!

Я косил глазами на Веру. Никакой реакции. В белой, едва прикрывающей пупок футболке и джинсовых шортах она выглядела подстать Хейди Клум – за ней следило, пожалуй, все мужское население отеля.

Девушки принесли фруктовые салатки, настроганные из дыни, яблока и банана и этот дружно осмеянный шакшук. Отточенным движением они отрезали от омлета маленькие кусочки, изысканно цепляли их на вилку и словно в рапиде отправляли в рот.

- Валера, дай, пожалуйста, соль, - попросила Вера.

- Если только даш на даш, - поддел я, передавая солонку.

Есть не хотелось. Еда вставала в горле. Особенно шакшук. Мы запивали его холодным соком, сварганенным из каких-то африканских консервантов, вроде «Юппи». Эта сладенькая водичка ничуть не удаляла жажды. Но мы все равно запасались ей, словно верблюды перед походом в Сахару.

Пляж, где нам, как бараньим шашлыкам на гриле предстояло жариться весь день, пугал хуже пустыни. Единственным нашим спасением было море, куда мы время от времени прятались от невыносимого пекла. Но скоро и оно прогрелось до самого дна и уже не доставляло никакой радости. Девушки, с головой накрывшись влажными полотенцами, изнывали от жары под пляжными зонтиками. А Ирина еще находила в себе силу читать вслух «Памятку туриста по Египту»:

- Мальчики, здесь не рекомендуется пить воду из-под крана, прохладительные напитки «в розлив», злоупотреблять алкоголем! Употребление алкогольных напитков в Египте не запрещено, но за нахождение в нетрезвом виде в общественных местах могут арестовать... Ребята, для кого я все это читаю? Запрещается фотографировать военные объекты, собирать «на память» осколки исторических памятников, срезать и повреждать кораллы. Слышали?! Не фотографируйте военные объекты и не собирайте осколки исторических памятников!

- Особо следует сказать о путешествии в Египет женщин, - взяв у Ирины листок, продолжил я с той же интонацией. – Никогда не путешествуйте одни! Не садитесь в такси и даже в автобус без сопровождения знакомых мужчин! И тем более не принимайте приглашение «выпить чаю»! Вера, это я для вас читаю, слышите? Подобные действия очень опасны, и полиция вам не поможет!

- А мы без вас, мальчики, никуда не собираемся, - отвечала Ирина. – И вообще с сегодняшнего дня мы объявляем войну пьянству и начинаем здоровый образ жизни.

В полдень, когда жара стала совсем невыносимой, мы всей компанией отправились на встречу с отельным гидом. Судя по визитке, размещенной на стенде нашего туроператора, его звали Саид. Мы с Ромкой еще посмеялись, вспомнив один из эпизодов фильма «Белое солнце пустыни». «Саид, ты как здесь оказался?» - «Так стреляли». Но местный Саид с какими-то умильно заискивающими глазками совсем не походил на нашего Спартака Мишулина. И все же сносное знание английского и русского языков подняло Саида на недосягаемую для других служащих высоту. В отличие от них, работающих за

мизерное жалование и чаевые, этот темнокожий араб с европейскими манерами менеджера средней руки помимо всего прочего имел собственное дело и получал твердый процент от проданных туристам экскурсий.

- Сюда, сюда, уважаемые! – демонстрируя свои большие неровные зубы, улыбался нам Саид. – С утра жду вас, уважаемые, чтобы отправить в незабываемое путешествие на подводной лодке «Синдбад»! Представьте себе, что лодка опустится на глубину 25 метров. Да-да. И сквозь иллюминаторы, расположенные по обеим сторонам, вы, уважаемые, в течение целого часа будете наслаждаться великолепным зрелищем подводного мира Красного моря! Целый час под водой, а затем яхта возвратит вас на пляж. Записываемся?

- На фиг, на фиг – я боюсь, - Ирина легко решила за всех.

- Хорошо, уважаемые! Раз боитесь погружаться под воду, берите автобусные экскурсии. Поезжайте, пожалуйста, в Луксор! В мире нет другого города, где было бы сосредоточено такое огромное количество древних памятников! – Саид ловким, отработанным движением вытащил из кейса цветные фотографии. – Смотрите сюда! Вы побываете в долине фараонов, своими глазами увидите усыпальницу Тутанхамона, храм единственной женщины-царицы Хатшепсут, величественный по своим размерам Карнакский храм...

- Сколько стоит? – перебила Ирина.

- Восемьдесят долларов. Всего восемьдесят долларов, уважаемые, за путешествие в древние Фивы с питанием в ресторане... Если же вы хотите услышать, как бьется сердце арабского востока, берите экскурсию в Каир – город тысячи минаретов! Вы увидите одно из семи чудес света – пирамиды, побываете в Египетском национальном музее, институте папируса...

- Сколько?

- Сто долларов.

- А за две экскурсии скидки будут?

- Двадцать долларов.

- И все?

- Хорошо, хорошо, уважаемые! Берете Каир с Луксором – и получаете экскурсию на коралловые острова в подарок!

- Вот с этого места поподробнее, пожалуйста!

- Утром прогулочный катер увозит вас из Хургады. В течение часа он достигает коралловых рифов. Всем выдаются ласты, трубки, маски – и перед вами предстанет изумительная картина подводного мира...

Саид неплохо знал свое дело. Через двадцать минут мы, как лохи, полезли за деньгами – и выложили за свою трехдневную занятость по сто шестьдесят долларов.

- А сколько километров от Хургады до Каира? – не унималась Ирина.

- Пятьсот.

- Сколько, сколько? – простила девушка.

- Пятьсот. Поэтому, уважаемые, отъезд от вашего отеля будет в четыре часа утра. Попрошу не опаздывать!

- А до Луксора?

- Двести пятьдесят...

- Уже легче.

И мы пошли собираться. Но не на экскурсию в Луксор! Вечером нас ждало «Восточное шоу».

На всякий случай мы привели в порядок туфли, вырядились в новые рубашки, освежились туалетной водой известного парфюмера Пако Робани, даже галстуки, как лондонские денди, зачем-то навязали. Рома достал из конверта пригласительную карту, где черным по белому на английском языке были вписаны наши имена: «Room № 527, name: m-r Krasilin, m-r Dumov» - и подстать арабским шейхам мы с достоинством двинулись на представление.

На входе в ресторан нас встретила приятная во всех отношениях Анжела, та самая русскоговорящая девочка принимающей стороны:

- Добрый вечер! – с дежурной улыбкой приветствовала нас она. – Угощайтесь! Виски с колой, красное и белое вино, натуральные соки!

Клянусь, что такого внимания к своим скромным персонам мы с Ромой не ожидали – вот, что, значит, представить себя на мгновение шейхами. Мы даже не знали, что делать, брать бокалы или из приличия пройти мимо. И уже было пошли, но халява оказалась сильней. И мы потянули руки к виски с колой, где, по правде сказать, виски кот наплакал. Сплошная кола, которую мы по ходу передвижения, словно порядочные медленно потягивали через соломинку.

Сели за ближайший столик у светящегося аквамарином бассейна и стали осматриваться. Вокруг одни иностранцы: немцы, англичане, французы, арабы. Из соотечественников, как ни странно, никого не было. То ли все на фараонов укатили смотреть, то ли забухали и не прошли фейс-контроль.

Оформленный в арабском стиле в три яруса «шведский стол» был, как обычно, заставлен диковинными салатами, нарезкой и фруктами. В дальнем углу возле гриля, красовались довольные собой повара в высоких белых колпаках и тонких, как у хирургов перчатках. Коренастый круглолицый паренек в белых одеждах, словно тапер шпарил на японском синтезаторе и страстно пел для нас арабские песни о главном.

И тут выплыли они, две греческих грации – Вера и Ирина. Иностранцы, пожирая их глазами, чуть не вывернули шеи. На Вере было короткое розовое платье, подчеркивающее все выступающие части ее спортивной фигуры. Ирина пришла в каком-то светлом обтягивающем костюме. Обе, как порядочные дамы, приглашенные на дипломатический прием, в светлых капроновых чулках и черных туфлях на каблуке – и где они их только выкопали? Business women – черт возьми, упасть и не встать!

- Девочки, сюда! К нам, к нам! – словно мальчик-переросток, увидевший эротическую картинку, оживился Рома.

Подошедшая к нам Анжела объяснила, что закуски со «шведского стола» можно брать бесплатно, а вот напитки, вплоть до минералки нужно заказывать через официантов за отдельную плату. И мы сразу потопали к столу, где красовалась кюфта, кебабы, жареная и фаршированная рыба, баклажаны с мясом, салаты с кальмарами, осьминоги, варенные и жареные креветки. На морепродукты арабы тоже не поскупились – в лотках лежала привлекательная

макрель, ставрида, барабулька и даже мелкая камбала. Мы брали всего чуть-чуть – больше для пробы, чем для еды – после первого же набега на «шведов» аппетит у всех был уже подорван. Сполна пресытившись хлебом, мы, как разомлевшие в Колизее римские патриции жаждали зрелищ.

Представление началась с какой-то буйной бедуинской пляски, где в роли темпераментных аборигенов выступали невзрачные студенты из фольклорного ансамбля. Как все артисты из художественной самодеятельности, они больше топтались на месте, чем танцевали. Продолжалось это топание на радость англичанам утомительно долго. Затем, как в бытность Анвара Садата, убитого солдатами-фундаменталистами прямо на военном параде, на подиум выскочили крепкие парни, размахивающие флагами. Флаги были огромными – и крутить ими стоило немалого труда. В это время девицы с закрытыми лицами вертелись на месте и тихо повизгивали, словно их щипали невидимые джины. О чем рассказывали эти танцы, без бутылки и переводчика было не понять. А уж когда, словно проститутки, качая бедрами, девицы вышли в центр площадки с подсвечниками на головах, был полный песец.

- Вер, ты бы так смогла? – прикалывался я к сидящей рядом девушке. – Если б Родина сказала «надо»?

- Ради Родины и не такое бы смогла.

Темнело быстро, словно в советском кинозале после третьего звонка. Тяжелое африканское небо застило звездами. А бедуины все пели и плясали, плясали и пели, согласно утвержденной программе. Двое парней нарядились конем, который высоко поднимал передние ноги и весело взбрыкивал задними. А потом повалился и «умер». И уже ни песни, ни танцы не могли его «оживить» до тех пор, пока одна из девушек ни решилась его поцеловать. Все радостно закружились. А мы пили и закусывали. Закусывали и пили. Словно челноки сновали от «шведского стола» к грилю и обратно. На мангалах жарились бараньи ребрышки и тающий во рту куриный шашлык.

Ближе к полуночи национальные мелодии, исполняемые арабами, стали все нежнее и красивее. Между столиками, как неприкаянные сновали официанты – словно древнеегипетские водоносы, они разносили коктейли, пиво и минеральную воду. Иногда им заказывали кальян. Что говорить, но европейским туристам, видимо, было весьма приятно сидеть на берегу Красного моря, пыхтя кальяном. Я же как-то брезговал брать после других трубку кальяна в рот.

Под занавес шоу собравшихся гостей решили порадовать танцем живота. На площадку выпорхнула пышная белотелая девица и начала темпераментно дергать животом. Скажу честно, но в турецких караван-сараях мне приходилось видеть и более изысканные танцы в исполнении гомосексуалистов.

- В Турции лучше танцуют, - высказался я.

- Кто бы спорил? – поездившая по миру Вера отвечала за свои слова.

Увы, но все хорошее в жизни имеет свойство заканчиваться – участники фольклорного ансамбля уже раскланивались налево и направо, а мы стояли и

тупо отбивали ладони в долгих и продолжительных аплодисментах, переходящих в овацию.

Потом вместе со всеми мы вывалились за пределы отеля, и под впечатлением увиденного долго ходили по расположенным тут же бутикам, прицениваясь к разным безделушкам и сувенирам.

Об уединении с Верой не было и речи. От несусветной жары у Ирины подскочило давление, разболелась голова – и она сразу легла спать. А неприкаянный Рома в знак солидарности ушел в наш номер.

- Может, на море сходим? - понимая нелепость своего предложения, сказал я.

- Валера, ты повторяешься, - заметила Вера. – Пошли спать! Завтра рано вставать!

Я сделал попытку ее обнять.

- Ой, только без рук – ты меня возбуждаешь... Пошли спать! Утро вечера мудреней!

5

Да, с трапезой на «Восточном шоу» мы явно переборщили! Набили желудки, как два африканских слона. Хотели попробовать всего понемножку, а не получалось. И теперь, лежа на спине, мой приятель по барски похрапывал, приводя меня в ярость.

Я прятал голову под липкую от пота подушку, пытался считать баранов, которых вчера съели, и даже свистеть – ничего не помогало. Ромкин храп, наверняка, заглушил бы звук отбойного молотка. Да что там отбойный молоток, работа гусеничного трактора по сравнению с похрюкиванием моего соседа показалась бы детской колыбельной. По крайней мере, я был в этом уверен.

«Что у русских за манера такая набивать желудок на ночь? – терзал я свое сознание. - Правильно французы говорят, что после шести вечера мужчинам в отличие от женщин вообще ничего нельзя брать в рот!»

Я поднялся и вышел на балкон. Душная арабская ночь тут же спеленала меня в свои объятия – я понимал, что устал, что валяюсь с ног, что хочу лечь и забыться, вот только никак не могу. Хоть убей! Я бессмысленно всматривался в контуры соседнего отеля, словно пытался рассмотреть рисунок на полотенце, вывешенном на одном из балконов, и терял ощущение времени. Светало.

И тут неожиданно раздался гортанный голос муэдзина: «Аллаху Акбар!»

Я вздрогнул. Вздрогнул и вспомнил, что нахожусь в самом сердце арабского мира. Поискал глазами мечеть. «Аллаху Акбар!» Да, да, конечно. Аллах велик! Кто бы спорил?

«Ашхаду алля иляха иллялла!» - муэдзин свидетельствовал, что нет бога, кроме Аллаха. «Ашхаду анна Мухаммад расул-лла!» - утверждал он, что Мухаммед — посланник Аллаха.

Азан – напевный призыв муэдзина к утренней молитве усиливали несколько расположенных в верхней части мечети репродукторов. Но

казалось, что звук шел прямо с неба. «Хайя ала-с-салят!» – означало: спешите на молитву! А «Хайя аля-л-фелах!» – спешите к спасению! Молитва – лучше сна!

Я смотрел в робкое утреннее небо и слушал эту замешанную на «аль» и «иль», арабскую словесную вязь, пронзающую до самого нутра. Надо было молиться. Молиться и думать о спасении души. А я даже точно не знал, в какой стороне находится Мекка. И поэтому вскоре завалился спать. В шесть утра за нами должен был прийти автобус в Луксор. Так что на отдых мне оставалось всего каких-то сорок – сорок пять минут сна. Но зато сна без задних ног.

Когда мобильный телефон сыграл мне подъем, всю ночь сладко храпевший сосед уже чистил зубы. Он был свежим, как огурчик, а я чувствовал себя разбитой телегой. Медленно спустил ноги на пол, продрал глаза, расчесал пятерней волосы и принял вертикальное положение. Глядя на мои неловкие телодвижения, Ромка постоянно прыскал со смеху. У меня два раза вырывалось из рук мыло, а зубная щетка чуть вообще не провалилась в раковину, я поймал ее в последний момент – секундомер работал явно не в мою пользу. Одевался я практически на полуавтомате, как сомнамбула зашел в автобус, плюхнулся на свободное место и блаженно закрыл глаза.

Но наверстать упущенное не удалось. Из тревожного дорожного сна меня вырвал звук полицейской сирены. Я посмотрел в окно и увидел, как мимо наших экскурсионных автобусов, выстроившихся в колонну, промчались три армейских джипа и бронетранспортер.

После расстрела в 1997 году террористами из «Исламской группы» пятидесяти восьми западноевропейских туристов, Египетские федеральные службы безопасности предприняли беспрецедентные меры по недопущению подобного впредь. Автобусные колонны в Луксор стал сопровождать военный конвой. Я тупо смотрел на чужеземных вояк в железных касках и непривычной белой форме - и спросонья они казались мне оловянными солдатиками.

В СМИ писали, что жуткий расстрел иностранцев у храма царицы Хатшепсут не входил в планы террористов, это была обычная операция по захвату заложников, чтобы потом поменять их на своего лидера, томящегося в американской тюрьме. Но у одного из боевиков сдали нервы – и он открыл пальбу. Глядя на сопровождающий нас конвой, я почему-то очень сомневался, что бряцающие «калашниковыми» армейцы смогут нас от кого-то защитить. И вообще все эти показушные меры безопасности уже давно превратились в фарс. Хотя с другой стороны береженого и Бог бережет!

Раздалось еще одно достающее до самого нутра завывание сирены – вереница автобусов покинула оцепленный солдатами сборный пункт и медленно, как обожравшийся удав поползла в Луксор. Сколько времени прошло до следующей стоянки, вряд ли кто вспомнит – народ спал, дремал, тупо пялился в окно, пока не объявили санитарную, а точнее сказать антисанитарную остановку, где можно было опраться и перекусить.

Заброшенное среди бескрайних песков дорожное кафе выглядело как мираж. Но стоило выйти из автобуса, и слепленная из известняка мазанка приобретала реальные очертания. На неубранных деревянных столах валялись

пустые пластиковые стаканчики и тарелки с яичной скорлупой и банановыми шкурками. Тут же шумная интернациональная толпа экскурсантов торговалась с аборигенами, жевала, пила, переминаясь с ноги на ногу, томилась в очереди в платную уборную, запах которой чувствовался за километр.

Местные бизнесмены, чем-то напоминающие наших цыган, только во всем белом, предлагали покурить кальян, сфотографироваться с верблюдом, купить минеральную воду и другие напитки. Цены кусались: за чай из пакетика в одноразовом стаканчике арабы просили два доллара, за маленькие шоколадные бисквиты – десять!

- Как по-арабски будет кофе? – наехала на экскурсовода Ирина.

- Ках-ва.

- Ках-ва? Почти как наша «какава», - приняв с утра ванну, девушка хотела теперь выпить чашечку кофе. И, демонстрируя свои женские чары, выторговала два стаканчика с чем-то подозрительно черным за три доллара. – Ребята, вам взять?

- Спасибо, не надо, - спрятался в автобус Рома. – Санитарных остановок больше не будет до самого Луксора.

- Не бойсь! У меня на этот случай в сумочке лежит упаковка «сульгина».

- Наивная, после этой антисанитарии ты еще надеешься выжить.

- Зараза к заразе не пристанет.

Народ подтягивался на свои места.

- Все здесь? – спросил гид.

- Да!

- Точно? – уточнил он, усаживаясь рядом с водителем. - Тогда поехали!

И автобус мягко тронулся. За стеклами снова потянулись бескрайние пески, глядя на которые хотелось спать. Но сидящая рядом Вера требовала внимания:

- Валер, расскажи что-нибудь.

- В смысле?

- В смысле, где работаешь, чем занимаешься?

- Чем занимаюсь? Тружусь в сельскохозяйственном колледже, преподаю юным оболтусам ТОЭ.

- А что такое ТОЭ?

- ТОЭ – это теоретические основы электротехники. Там же читаю курс «Электрические машины и трансформаторы» и «Эксплуатацию и ремонт электроустановок».

- У-у, какой умный! А про меня в школе говорили: не знаешь закон Ома – сиди дома!

Согласитесь, что когда у тебя нет других возможностей завоевать женское сердце, остается только словоблудие. Нужно говорить и говорить, без перерыва, и верить, что женщины любят ушами. Я говорил, как умел. И мне казалось, что неплохо. По крайней мере, Вера не перебивала.

Первым делом я естественно поставил долгоиграющую пластинку о своей прошлогодней поездке в Китай, но, чтобы развеселить спутницу, отбирал

самые прикольные, самые пикантные моменты. Например, свой не совсем трезвый скоростной спуск с Великой китайской стены. Было дело. Тогда мы с одним крутым бизнесменом из Саратова поспорили на бутылку виски, кто быстрее окажется внизу. И я, надо признать, победил! А потом с этим же мужиком мы полночи простояли возле мавзолея Мао Цзэдуна и только под утро узнали, что его не откроют по причине выходного дня! А сколько смешных ситуаций было во время нашего похода на знаменитый «русский рынок». Между прочим, расположенный на улице с весьма запоминающимся названием - Ябао Лу.

Понимая, что по своему словарному запасу я далеко не Дмитрий Крылов из «Непутевых заметок» на первом канале, я обставлял свои приключения, как можно, веселее. Вешал Вере «лапшу» про китайскую теорию «гармонии питания», основу которой составляют овощи и фрукты, но главное, чтобы пища согревала душу. В подробностях рассказывал про круглые столы в ресторанах, за которые садятся по девять человек. Про официантов, выставяющих закуски на крутящееся круглое стекло, и про неловких гостей, пытающихся подцепить с них пластмассовыми палочками хоть какую-нибудь еду.

Вера слушала с интересом (а что еще делать в дороге?), если и смеялась, то негромко, но искренне, прикрывая рот ладонью. А я почему-то жалел, что в Поднебесной со мной не было Веры – у меня там вообще никого не было потому, что я попал туда с группой пенсионеров.

За моей болтовней двести пятьдесят километров африканской пустыни показались ерундой. Впереди замаячил мост через какую-то реку – и все сразу догадались, что это Нил! Великий Нил! Народ прильнул к стеклам, за которыми начиналась история древнего мира. Автоматными очередями трещали современные фотоаппараты. Кто-то, подражая известным телерепортерам, наговаривал в видеокамеру мудреные сопроводилки и комментарии. Ключевыми словами, конечно, были – Нил, Луксор, древний Египет. Через какое-то время к ним добавились Колоссы Мемнона.

Автобус тихо пристроился в хвост впереди стоящему собрату, и гид объявил, что нас ждет долина фараонов. Дорогу к ним и охраняли грандиозные Колоссы Мемнона. Народ, как яблоки со стола посыпался из автобуса. Ирина с Верой, естественно, впереди планеты всей. Им просто не терпелось куда-нибудь залезть, чтобы организовать что-то типа фото-сессии, в которой мне отводилась скромная роль бесплатного фотографа-любителя. И здесь надо отдать должное моему терпению, потому что я, войдя в роль, отщелкал девушек во всех позах и положениях, на которые у них хватило фантазии.

Но и этого им было мало. Группа уже покорно метнулась в автобус, когда Вера решила заснять вместе со мной у ног колоссов, о чем попросила свою подругу. Я быстро вобрал живот, сказал «ч-ии-з», а потом, как бы спасая свою спутницу от этих чудищ, притянул девушку к себе. Снимок получился историческим: мы выглядели на нем не хуже Кейт Уинслет и Леонарда Ди Каприо на носу «Титаника». Так мне тогда показалось.

Вера уже поменяла в фотоаппарате батарейки, когда экскурсионный паровозик с двумя вагончиками еще только повез нас к захоронениям фараонов. Двигаться по пятидесятиградусной жаре мы уже не могли. И не хотели. Но заставляли себя. Обливаясь потом и обмахиваясь платками, быстро заходили в лабиринты душных гробниц, тупо рассматривали настенные изображения и, думали лишь об одном: когда же все это закончится?

Наконец, нас привели к гробнице самого Тутанхамона, умершего в восемнадцатилетнем возрасте при весьма загадочных обстоятельствах. Если бы гид не сказал об этом раз десять подряд, то в гробницу, наверняка, никто не полез. А тут постояли, помолчали с чувством выполненного долга. И, изнывая от пекла, потащились к поджидавшим нас вагончикам паровозика.

Единственным спасением от невыносимой жары был кондиционированный автобус, поэтому, когда мы остановились на площадке перед храмом царицы Хатшепсут, никто не хотел выходить. Как в фильме «Никто не хотел умирать!» Не вдохновил нас даже рассказ экскурсовода о царице Хатшепсут – первой и единственной женщине фараоне, правившей в мужском облике. Оказывается, на официальных церемониях она появлялась не только в мужской одежде, но и (о, ужас!) с накладной мужской бородой.

Тогда водитель демонстративно выключил кондиционер и открыл двери. Словно пилигримы, прячась в арабские платки, туристы потащились в сторону полицейских бронетранспортеров, стоящих у входа на территорию храма. Мы молча прошли через рамку металлоискателя и поднялись на ступени достопримечательности. И тут Ирине с Верой взбрело в голову устроить еще одну фото-сессию. Аллах свидетель, что я вертелся с фотокамерой, как юла, чтобы запечатлеть подруг везд, где им вздумается. Даже в обнимку с какой-то доисторической колонной!

Следующей остановкой автобуса стала настоящая мастерская каменотесов. Два убеленных пылью араба в течение пяти минут продемонстрировали нам, каких трудов стоит им ручная обработка камня. И тут же сносно говорящий по-английски продавец чуть ли не за руку потащил нас в лавку, заставленную сувенирами из малахита и алебастры. Египетские кошки, жуки-скарабеи, головы фараонов - чего здесь только не было! Народ моментально выстроился в очередь. Ирина набрала целую сумку каких-то недорогих, но весьма увесистых штук. Вера тоже. А мне с Ромкой, естественно, досталась роль пажей-носильщиков. Несколько раз я пытался остановить девушек. Говорил: «Хватит! Успокойтесь, вы же так весь Египет вывезите! Оставьте после себя что-нибудь другим группам». Но они только посмеивались.

Потом нас подвезли к какой-то реке, пахнувшей тухлой рыбой. Оказалось, что опять к Нилу, который вблизи был совсем не таким, как издалека. У берега в ожидании пассажиров томились несколько застеленных коврами катеров. Их черные от загара капитаны с нетерпением следили за нашей группой, которую, словно саранча атаковали местные мальчишки.

- Мистер, уил ю гив ми мани! – на каком-то афроамериканском языке не просили, а требовали арабские дети - Ю а соу кайнд!

Их было так много, что они буквально висли на нас, как маленькие обезьянки. И тогда, как будто увидев это впервые, полицейские, вооружившись длинными палками, стали отгонять от нас ребятню.

- Чего они хотят? – недоумевал вслух Рома.

- Денег, сэры, денег! – ответила идущая рядом женщина, обвешанная фотоаппаратами. – Египет очень бедная страна! Не оставайтесь в стороне – помогите обездоленным!

- Нам бы самим кто помог!

Только мы заняли места на, казалось бы, совсем хлипком суденышке, как его двигатель мерно заурчал, и мы, оставляя за собой волну, стали удаляться от берега. Нил оказался не таким уж и узким – навстречу нам, гремя музыкой, проплывали большие круизные теплоходы, то и дело выскакивали какие-то катера и лодки. Наша дружная компания сидела в тени под тентом. Обожженные солнцем лица обдувал приятный встречный ветерок, а брызги от бьющихся о борт волн заставляли вздрагивать.

На противоположном берегу нас ждал один из основных объектов экскурсионной программы – знаменитый Карнакский храм, строившийся две тысячи лет. Увидев его, мы сразу поняли, что проторчим здесь не меньше часа. И это еще будет хорошо. От главного святилища Древнего Египта сохранилось 134 колонны, возле которых простые смертные в отличие от богов чувствовали себя пигмеями. Не знаю, кем себя почувствовала наша группа, но все сразу просекли, что от палящего солнца можно прятаться в тени этих самых колонн. Но привыкший к жаре гид, кажется, этого недопонимал, и все время старался вытащить нас на солнцепек. Особенно, когда решил показать нам весьма забавные изображения бога плодородия Мина. Сами бы мы никогда их не нашли, а тут увидели и даже сфотографировали. Будет что показать: на всех росписях бог Мин изображался со стоячим членом.

- Валер, как ты думаешь, здесь туалет где-нибудь есть? – спросила меня Вера, когда бог Мин остался уже далеко позади.

- Вряд ли...

- И что же теперь делать?

- Терпеть! Как раньше говорили, терпи, казак – атаманом станешь!

- А больше не могу терпеть!

Подтверждением этих слов была заставшая в Вериных глазах мука.

- Ладно, пойдем! – скомандовал я и решительно потащил заведующую аптекой за ближайшую колонну.

Одетый в белый халат смотритель музея под открытым небом расплылся перед нами в добродушной улыбке. Я ответил тем же. Мы свернули за угол, прошмыгнули под несколькими рядами колонн и оказались за пределами храма. Натянутая на металлические штыри веревка огораживала нагромождение вывернутых из земли железобетонных плит и строительного мусора, над которым возвышался башенный кран.

- Давай! – отвернувшись, произнес я. – Только быстро!

Через минуту Вера уже сияла подстать царице Хатшепсут.

- Я думала, что у меня лопнет мочевого пузырь!

- Тогда вперед!

Теперь главное было не отстать от группы и не заблудиться среди сотни похожих колонн. Мы снова улыбнулись приветливому смотрителю. Прошли мимо многочисленных изображений бога плодородия, и увидели соотечественников, наматывающих круги вокруг обелиска жуку скарабею.

- Чего это вы тут творите? – спросила Вера у подруги.

- Этому жуку более трех с половиной тысяч лет, - не переставая кружиться, бросила Ирина. – Если загадать желание у главного скарабея – оно обязательно исполнится.

- Тогда мы тоже включаемся! Валер, загадывай желание!

- Я уже загадал!

Если бы Вера спросила, какое, то мне было бы стыдно признаться. Я загадал, чтобы по возвращении в отель с ней переспать. Вот такое простое, извините, у меня появилось желание.

Замученные солнцем, мы еще долго топтались по каким-то историческим достопримечательностям. Фоткались. Приценились к сувенирам. Запасались минеральной водой, той самой «Баракой», потому что другой не было.

Но прежде, чем автобусу отправиться в обратный путь, нас на кой-то черт повезли в парфюмерный центр. Никто не спорил. Все чертовски устали. Мы понимали, что гид с водителем делают на нас деньги. Пусть. Таскать туристов по торговым центрам и магазинам – это их незатейливый бизнес. Конечно, кто не хотел, мог не ходить. Силой никого не заставляли. За руку не тащили. В качестве альтернативы парфюмерному центру можно было просто остаться на раскаленной улице и позагорать рядом с предусмотрительно запертым автобусом. Но получить солнечный удар как-то не хотелось. А в уставленном разными бутылочками зале, чем-то похожем на кладовую алхимика, слава Богу, работал мощный кондиционер.

- Добрый день! – приветствовал нас на неплохом русском языке менеджер центра. – Сейчас я познакомлю вас со знаменитыми ароматическими маслами, на основе которых французские парфюмеры создают известные во всем мире духи. – Но сначала мы хотим вас угостить национальным египетским напитком.

Дежурно улыбающиеся юноши внесли подносы с каркадэ.

- Этот удивительный чай делают из гибискуса - кустарника семейства мальвовых. Чтобы сварить каркадэ, высушенные красные цветки кладут в холодную воду и доводят до кипения, потом добавляют сахар и подают холодным. Холодный каркадэ снижает давление. А горячий - наоборот, повышает. Угощайтесь!

Кисловатый, бордового цвета напиток был как нельзя кстати. Он чем-то напоминал растворенный в воде гранатовый сок.

Я сидел рядом с Верой – и моя правая коленка у всех на виду касалась ее левой ноги. Казалось бы случайно, невзначай, бывает же такое, а на самом деле совсем даже не случайно. Своим прикосновением я как бы искал у девушки взаимности. Искал и находил. Вера выразительно посмотрела в мою сторону, но ногу не убрала.

Тем временем сотрудники парфюмерного центра, словно высококлассные иллюзионисты, поочередно демонстрировали нам свои уникальные эссенции и масла. Больше всех, конечно, старался русскоговорящий менеджер. Уподобляясь алхимику и факиру в одном лице, он что-то смешивал и поджигал, а потом полученную жидкость совал нам прямо под нос.

Мы, конечно, принюхивались, пытаясь уловить знакомые французские запахи, согласно кивали, ставили галочки в выданных каждому прайс-листах. Но в конечном итоге, несмотря на завидные скидки, мало кто из группы отважился что-то купить. Одно дело арабские эссенции и другое – французские духи. Это как день и ночь.

6

В Хургаду приехали в одиннадцатом часу ночи. Едва переставляя ватные от усталости ноги, выползли из автобуса и, как замученные в тяжелой неволе разбрелись по номерам. При желании, конечно, можно было заглянуть в ночной бар и чего-нибудь выпить и поклевать, время позволяло. Но намаявшийся в дороге, угоревший от впечатлений народ ничего не хотел.

Кроме меня. После поездки в Луксор я запал на Веру, как семнадцатилетний мальчишка на девочку, с которой станцевать три медленных танца подряд. Меня словно приворожили к ней, как еще до сих пор в глухих деревнях девки привораживают приезжих холостяков, угощая их красным вином с менструацией – и те потом бегают за ними всю оставшуюся жизнь, как собачонки. Хотя, честно говоря, я сам себя приворожил к Вере, кружась возле тысячелетнего жука скарабея с единственным в голове желанием во чтобы то ни стало сегодня переспать с ней. Право перегрелся! Но удивительное дело, выйдя из автобуса, я сразу ощутил, как мне ее не хватает! Внутренний голос шептал: иди, иди к ней – она ждет. Надо было действовать. Как говорится, брать быка за рога.

Для смелости я решил принять на грудь.

- Рома, может водочки? – пригласил я соседа.

- Не пью, и не тянет.

Приятель был не в настроении. Завалился на постель и включил телевизор.

- Наше дело предложить – ваше дело отказаться. Буду пить в одну харю, - я достал из холодильника остатки прежней роскоши.

- «Водка «Столовое Вино №21» изготовлена по возрожденным традициям П. А. Смирнова, - прочитал я на этикетке. - Состав: вода питьевая исправленная, спирт этиловый ректифицированный «Люкс», сахар, мед натуральный. Произведено и разлито в России»...

Плеснул в тяжелый египетский стакан, чокнулся с бутылкой – выпил. Прошла легко. С чего бы это? Налил еще – снова нормально. Удивительное дело! Так ведь и спиться можно. Появилось жгучее желание догнать еще... Чтоб хотелось и пилось, чтоб любилося и моглось.

В дверь постучали.

- Кто там? – изображая мультфильмовского галчонка из Простоквашина, спросил я.

- Мальчики, к вам можно? – в комнате нарисовалась явно заскучавшая по Роману Ирина.

И я, как застигнутый врасплох алкоголик, в последний момент успел все-таки сунуть недопитую бутылку под стол.

- Представляете, заходим мы с Верой в номер, а у нас на кроватях... лебеди! – как всегда на полную громкость заговорила Ирина.

- Кто, кто? – переспросил Ромка.

- Лебеди! Или гуси... Да фиг их знает. Не верите, пошли - посмотрим!

Мы поднялись, как по команде.

Да, это было что-то с чем-то: на аккуратно застеленных постелях, подняв шеи, красовались свернутые из пододеяльников «лебеди»!

Ирина рассказала, что, собираясь утром на экскурсию, оставила горничной на столе один доллар – и вот такое чудо! Для приличия я похвалил девушку за щедрость, а горничную за предприимчивость. Пример достойный подражания. Завтра, точнее уже сегодня мы его обязательно реализуем. Я говорил и говорил. Но как только оказался рядом с Верой, почему-то замолк, скромно взял девушку за руку и, словно глухонемой, позвал взглядом на полуночный променад.

Сколько раз, наблюдая за держащимися за руки парочками немолодых влюбленных, я лишь скептически улыбался. Тоже мне строят из себя романтиков! Гонят понты, набивают цену, – каких только мыслей по этому поводу у меня ни появлялось. И вдруг оказавшись на их месте, я вдруг ощутил к своей спутнице такой прилив нежности, что был готов умереть. От счастья! Я перебирал пальцами ее тонкие длинные пальцы, сжимал их, гладил. Вера отвечала тем же. И чем дольше тянулась эта игра, тем острее и глубже мною овладевало неудержимое желание всего и сразу.

Наверное, чтобы не накалять чувства до предела, в качестве любовной прелюдии нужно было что-то говорить, рассказывать, шутить. Мне было что рассказать, чем удивить, произвести впечатление. Но я молчал, боясь нарушить сложившееся равновесие бегущих через наши руки электрических разрядов захлестнувшей нас нежности.

Незаметно мы забрели в отдаленную часть пляжа, где, словно на свалке валялись сломанные лежаки, пляжные зонтики, резиновые матрасы. В темноте было практически ничего не разобрать, и только по периметру ограждения угадывались редкие огни фонарей. Да метрах в двухстах, за столпотворением пальм, водных горок и подсобных помещений, как подсвеченный со всех сторон дворец султана выступал наш отель.

Я обнял Веру, повернул к себе лицом и поцеловал. Моя спутница не сопротивлялась, и не воспользоваться этим было бы непростительно.

- Вера, Верочка, хорошая ты моя, - зная, что женщины любят ушами, шептал я. Одной рукой я по-хозяйски прижимал девушку к себе, а другой бессовестно забирался к ней в шорты...

И - о, ужас! Стыд и позор! В нагромождении сломанных шезлонгов я приметил огонек зажигалки, слабенький такой язычок пламени. Кто-то

спешно раскуривал сигарету, давая мне понять, что облюбованное место давно занято. Спасибо, камрад, спасибо! Иначе бы был полный конфуз.

Я медленно выпустил птичку из своих объятий, развернулся, и как ни в чем не бывало, направился к морю. Правда, уже более внимательно всматриваясь в темноту. И, между прочим, не зря. Мы бы обязательно сломали себе ноги, наткнувшись на какую-нибудь любовную парочку. Темнота во все времена считалась другом молодежи, а уж про известный зарубежный курорт, и говорить нечего.

Мы еще раз прошлись с Верой по пляжу, как комсомольцы за ручку, туда–сюда. Но, увы, никакого укромного местечка, где бы можно было культурно прилечь, так и не высмотрели! И тут у меня окончательно сорвало крышу. Я втащил Веру в беседку, где днем выдают пляжные полотенца и, не давая опомниться, стал стаскивать шорты. Я спешил до дрожи в руках, словно семнадцатилетний паренек, впервые попавший на ночь в женское общежитие. Крепко же, видно, достала меня стрела Амура, что я переспал с Верой стоя!

В половине второго ночи я, как истинный кавалер проводил девушку до ее номера. Вера тихонечко открыла дверь, и мы сразу поняли, что Ирки нет! Сексуально озабоченная подруга умотала на всю ночь к Роману. А мы, как неполноценные, решали свой половой вопрос в какой-то пляжной беседке! По-солдатски, да еще и в антисанитарных условиях.

- Заходи! – втянула меня в комнату Вера.

Ночь обещала быть бессонной, как в сказке из тысячи и одной ночи. И мы как могли, старались сделать эту сказку былью. Моя Шехерезада оказалась в этих делах на редкость умелой, да и я тоже старался держать марку.

В пылу любовных утех мы так разыгрались, что грохнулись с кровати на пол, чем, наверняка, разбудили соседей снизу. Угомонились только под утро. Да и то не сразу, потому что долго лежали и разговаривали:

- Вер, а чего ты меня в первую ночь встретила в штыки?

- Спать хотелось...

- Да, ладно тебе... Какой сон, если мужик клеится?

- Если клеится – не отклеится! А переспи я с тобой в первый день, ты бы сам потом сказал «тоже мне Валя Давалкина...» Разве не так?

- Ты мне сразу понравилась...

- А ты мне не сразу! Думаю, мужику за сорок, дома, наверняка, жена, детишки сопливые, а он все не нагулялся! А на море я вообще... худею! Все разделись, а ты плавки снять стесняешься! Я грешным делом подумала, уж не контуженный ли товарищ-то, всякое бывает, может, ампутировали мужское достоинство под корень – и остались одни воспоминания...

- Спасибо!

- Валер, ты только не обижайся! Сейчас полно молодых людей, кто к нам в аптеку за виагрой бегают: диабетики, простатитчики, аденомщики... Вот я и подумала... Но я беру свои слова обратно!

На завтрак мы не пошли. С утра было как-то не до омлетов и жареных колбасок. Это еще в первый день они казались диковинкой. Во второй – стали обыденностью. В третий – испытанием. Однообразие всегда отравляет жизнь.

Именно из этих соображений утренний променад на море мы заменили походом к бассейну. Его выложенная голубым кафелем чаша придавала воде нежно-голубой цвет, поверхность которой облюбовали солнечные зайчики. И пока только одни они да три занесенных ветром зеленых листочка наслаждались здесь водной прохладой.

Накрыв полосатые матрасы шезлонгов полотенцами, мы забронировали их за собой на весь день. Да еще притащили два огромных, словно раскрывшихся парашюта пляжных зонта.

Нырять в бассейн здесь строжайше запрещалось, о чем предупреждала надпись на английском языке. Для тупых рядом был нарисован перечеркнутый красной полосой силуэт ныряльщика. А для плавающих, как утюги красовался указатель наибольшей глубины – 180 sm! Этих сантиметров нам хватало за глаза и за уши.

Осмотревшись, нет ли рядом кого-нибудь из служащих отеля, мы с Ромой, не сговариваясь, нырнули в воду. И надо сказать, очень эффектно, потому что сначала как два брата акробата дружно воспарили вверх, а потом, подчиняясь силе земного притяженья, подняв столб брызг, ушли на дно. И уже на глубине, как некогда знаменитый Гойко Митич в фильмах про индейцев, разгребая воду руками, неслышно поплыли к противоположному берегу.

Девушки, как примерные отдыхающие спустились в воду по металлической лесенке, и, стараясь не мочить волосы, словно две морские львицы демонстративно проследовали мимо нас. Вода в бассейне была уже теплой, но еще не горячей, и, несмотря на едва уловимый запах хлорки, доставляла райское наслаждение. Честно сказать, не зря академик Вернадский писал, что вода – это жизнь, а жизнь – это вода.

- Валера, полчаса пожаримся на солнце – и по номерам, - подмигнув мне, озвучил план дальнейших действий Рома. – Мы с Ириной забиваем наш номер, а вы с Верой топаете к ним. С солнцем не шутят: обгорим – будем ходить как облезлые мартовские коты.

Солнце, словно по невидимой лесенке быстро поднялось в зенит, и его радиоактивные лучи последовательно испепеляли на земле все живое. Боясь получить ожог, наши спутницы предусмотрительно натерлись кремами от загара. Их шоколадная кожа уже блестела, как у спортсменов на соревнованиях по бодибилдингу, а они все втирали и втирали в нее увлажняющее молочко.

- Мальчики, для развития интеллектуального уровня предлагаю поиграть в города, - подала голос Ирина, наш верховный главнокомандующий.

- Это как в «Джентльменах удачи»? – спросил я. – Москва. – Воркута. – Почему Воркута? – А я там сидел.

- Нет, мальчики, мы будем играть в египетские города, - листая путеводитель, с интонацией не терпящего возражений классного

руководителя добавила Ирина. – Итак, мальчики, начинаем с хорошо знакомого вам города Хургада.

- Асуан, - не дожидаясь особого приглашения, произнес я.

- Молодец, Валера. Продолжаем! Кто назовет город на букву «Н»?

Воцарилось продолжительное молчание, во время которого был слышен отдаленный шум моря.

- Нил! – робко подала голос Вера.

- Но это же река! - возмутился Роман.

- В Египте нет городов на букву «Н», - потрепав путеводитель, подыгрывала подруге Ирина. – Назовите город на букву «Л».

- Луксор!

- Верно. Теперь город на букву «Р»?

- «Роял Лазур», - отыгрался Ромка.

- Но это же отель!

- Неважно.

- Тогда «Роял Палас».

- «Сива».

- «Алладин»!

- Нефертари...

- Что такое Нефертари? – зацепился Рома.

- Не что, а кто, - поправила Вера. – Нефертари – это египетская царица, жена Рамзеса второго.

И снова воцарилось молчание. Но вовсе не потому, что мы не знали больше городов на букву «И». Да сколько угодно! Исна – некогда главный город Верхнего Египта. Идфу - маленький городок на левом берегу Нила. Исмаилия – город, расположенный на полпути между Порт-Саидом и Суэцом. На карте путеводителя еще хватало городов. Молчание воцарилось потому, что жара парализовала нас до такой степени, что уже было лень говорить.

- Все, царицы, пора делать ноги! – трезво рассудил Роман.

- А я так хорошо устроилась, что не хочется вставать, - торговалась Ирина.

– Так бы лежала себе и лежала до обеда, как какая-нибудь Клеопатра...

- Пока пожарные не приедут тушить твои обуглившиеся косточки!

- Ладно, Вера, пошли, а то мужиков от солнца инсульт двинет!

И мы почапали. Ирина с Ромой впереди, накинув на плечи яркие полотенца с изображением дельфинов. Мы с Верой сзади, неся полотенца в руках, друг от друга на комсомольском расстоянии. Рома за нас все решил. Теперь он взял на себя бразды верховного главнокомандующего. Поднявшись на третий этаж, мы без угрызения совести свернули к 343 номеру.

Бросив пляжные вещи на кресло, Вера без предисловия испарилась в ванной. Оно и понятно, кому в такую минуту нужны слова, от которых закружится голова? Хочется навести девушке марафет: подмыться, расчесаться, накраситься – пусть наведет. И, вслушиваясь в шум воды, я уже представлял, как, открыв душ, она стягивает с себя плавки и наслаждается под сверлящими струями холодного дождя.

Дверь не заперта, но Вера знает, что я не войду. Мне представляется, как она набирает целую ладонь жидкого мыла и увлажняет им обгоревшие плечи и живот, особенно тщательно, словно перед визитом к гинекологу, намазывая промежность. Судя по однообразному звуку воды, она снова тянется к мылу и подстать наложницам в гареме берется за гениталии, буквально выворачивая их своими длинными пальцами...

Я жду. Сижу поверх застеленной постели и жду. Такое бывало со мной в жизни не раз – и вот снова. Когда надоело сидеть, я падаю на спину. Слушаю гул фена и тупо смотрю в потолок. В голову лезут какие-то стихи. «Постель была расстелена, и ты была растеряна, и спрашивала шепотом: «А что потом? А что потом?» Кажется, Евтушенко, которого по молодости лет мы передирали друг у друга целыми тетрадками. А, став взрослее, цинично переиначили и вставляли к месту и не к месту: «и спрашивала шепотом: «Куда суешь? Ведь жопа там!»»

Да, все мы приходим в этот удивительный мир малыши, ничего не знающими и не умеющими. И все-то в нем познаем, увы, не на чужом, а на собственном опыте. Путем проб и ошибок, радостей и разочарований. И с шестнадцати (а кто и с тринадцати) лет ищем свою вторую половинку. Ту долгожданную и единственную, что нарисовали в своем воображении.

Это сегодня любой подросток, желая с кем-нибудь познакомиться, может легко зайти в Интернет и задать в поиск не только возраст и рост своей будущей подружки, а и цвет ее глаз и волос. Конечно, рыжеволосая скромница с фотографии может запросто оказаться крашеной бестией, а студентка МГИМО – девушкой по вызову. Но зато в качестве компенсации безвозвратно убитого времени, можно всю ночь, с 500-процентным увеличением, пуская слюни, рассматривать на мониторе интимные прелести и родинки своей виртуальной подружки.

Наша юность пришлась на годы застоя, те самые, когда руководящей и направляющей силой была всемогущая КПСС - ум, честь и совесть нашей эпохи! Никаких компьютеров тогда не было. Красивых полураздетых женщин мы видели только в зарубежных кинофильмах, на которые дети до шестнадцати лет не допускались. Но мы знали названия этих фильмов наизусть: «Ромео и Джульетта», «Красная мантия», «Старое ружье»... И, вглядываясь с последнего, заплеванного шелухой от семечек, ряда в грязное полотнище экрана, боялись, чтобы какой-нибудь киномеханик-сапожник не вырезал долгожданные кадры себе на память.

Сокурсницы нас всерьез не воспринимали – все ждали долгожданных принцев на белых конях, точнее сказать, на белых родительских «Волгах» или малиновых «Жигулях». На вечерах отдыха по случаю красных дней календаря мы стеснялись пригласить их на танец, выходили на улицу, курили дешевую «Приму» и в обиде на жизнь пили из горлышка восемнадцатиградусный «Портвейн». Но приходил дождливый сентябрь – и мы всей нашей мужской группой уезжали на картофель.

Подшефный колхоз утопал в грязи и нищете. Рабочих рук не хватало. Местная молодежь всеми правдами и неправдами рвалась в город, колхозники

планомерно спивались, урожай оставался в полях. Вся надежда была на стариков и студентов. Нас разбивали на бригады по пять-шесть человек и определяли на постой к каким-то полуслепым глуховатым старушкам. Бригадир привозил на расхристанной телеге ворох прогнивших от сырости матрасов, прожженных сигаретами одеял и ржавых подушек, под роспись выдавал чистые простыни, наволочки и полотенца. Спали мы на полу, обедали в колхозной столовой, а завтрак и ужин нам готовила хозяйка дома, семидесятипятилетняя баба Фаня. Она провожала и встречала нас в своем буднично-затрапезном наряде: легкой бархатной жакетке, надетой поверх платья, ситцевом платочке с красными розами, завязанном под зубок и подрезанных валенках – котях.

Каждое утро, получив в конторе устную разнарядку, мы отправлялись на ближайшее к домам поле, где уже потрудились картофелекопалка. Следом за ней мы собирали клубни в корзины – крупные в одну, мелочь – в другую, а затем пересыпали в холщевые мешки. В полдень, меся сапогами грязь, шли через всю деревню на обед. Потом точно также пробирались обратно. И только поздно вечером, не принимая всерьез ломоту в спине, шли в соседнее село на танцы. Собственно говоря, именно эти потемкинские дискотеки и составляли тогда смысл нашей жизни. С местными девчонками, работающими доярками на колхозной ферме, мы знакомились без проблем. И хотя деревенские парни пытались пресекать наши встречи мотоциклетными цепями и заборными кольями, романтика полуночных ухаживаний оказывалась сильнее.

Все разыгрывалось, как по нотам. День за днем, неделя за неделей. Первая встреча случалась где-нибудь на ферме, куда мы после вечерней дойки ходили за молоком, или в сельмаге. Потом легкий треп ни о чем перед началом фильма в деревянном, похожем на сарай, клубе. И, наконец, приглашение избранницы на танец, если удастся – на второй, третий. Девушка, имеющая постоянного ухажера, позволить себя такой флирт уже не могла, даже если ее парень в это время проходил службу в армии или учился где-нибудь далеко-далеко.

После танцев начиналась игра в провожатые. Естественно, с бесконечной болтовней и лузганьем семечек. Эта игра могла затянуться на неделю, а то и на две, все зависело от того, когда девушка окончательно определится в выборе. Стоишь ты ее или нет. Если не стоишь, то даст от ворот поворот, и перекинется на кого-нибудь из твоих же друзей. Бывало и такое. Но если стадия поцелуев и изучения женской анатомии завершалась успешно, то можно было смело переходить к главному. Выбор для уединения в деревне был весьма не велик: полутемная, пропахшая парным молоком, бытовка на ферме, заваленная березовыми вениками баня, наконец – какой-нибудь отдаленный стожок сена. И тогда, зарывшись с головой в теплую, как лежанка траву, случалось то, что в принципе и должно было случиться. Так закалялась сталь.

Вузовский диплом и распределение на преподавательскую работу в сельскохозяйственный колледж ни на шаг не сократило мой путь до большого человеческого счастья, которое все время казалось за ближайшим поворотом. Нудный, вечно чем-то недовольный педагогический коллектив на семьдесят

процентов состоял из учителей, прошедших советскую школу. Даже во время праздничных застолий, как в былые партийные времена, здесь по укоренившейся привычке следили за тем, кто и сколько пьет, кто с кем танцует. Я старался держаться скромно и не раздражать крокодилов отечественной педагогики. Как цыган, который не ворует там, где живет, не заводил близких отношений с молодыми учительницами. По крайней мере – на работе.

Иной раз коллеги сами намекали мне, чтобы я приударил за новенькой секретаршей директора или за учительницей физкультуры, имеющей какой-то разряд по художественной гимнастике. И я приударял: ходил с ними в боулинг, водил на концерты звезд отечественной эстрады, в театр, правда, заканчивались все эти культурные походы практически одинаково – у меня дома на выдавшем виды диване. Молоденькие учительницы с их дешевыми польскими духами и заштопанными колготками не могли подарить настоящего праздника Любви, о котором я так мечтал.

...И вот этот праздник настал! Дверь ванной распахнулась, и из нее, оставляя на полу мокрые следы, вышла обернутая в махровое полотенце Вера. Видимо, полагая, что я непременно последую ее примеру – и отправлюсь под душ, она взяла с тумбочки флакон с духами. А я и в самом деле встал, чтобы пойти ополоснуться, но шлейф французской парфюмерии оказался сильнее... Я подхватил Веру на руки и как арабскую принцессу понес на кровать...

8

Надо было вставать. Отрывать голову от подушки. Спускать ноги на пол. А я не мог. Мне снилось что-то эротическое, связанное с Верой. И, открыв глаза, я не понимал, привиделось мне все это или было на самом деле.

Вера в лифчике и кружевных трусиках расхаживала по номеру. Увидев мои непонятные телодвижения, она встала напротив и строго произнесла:

- Подъем! Кто не встает, того прибьем!
- Сколько уже?
- Половина четвертого...

На экскурсию в Каир мы подготовились капитально, дабы полностью исключить негативный опыт от поездки в Луксор. Короче, чтобы не напрягать шеи, мы прихватили с собой из номеров подушки. Чтобы не мучила жажда – взяли пять бутылок минералки, а для настроения - две пластмассовых фляжки вискаря.

Картонные коробки с сухим пайком вместо завтрака нам выдали на рецепшине. Причем, почему-то вместо четырех – целых шесть. Мы забрали все: дают – бери! И сразу с глаз долой унесли автобус.

«MAN» оказался практически полупустым, чистым и ухоженным. Наша компания заняла в салоне самые последние места. Девчонки, как курицы завалились спать. А мы с Романом сделали по приличному глотку виски, зажевали бананом из «сухого пайка» и тупо уставились на проплывающие за окном железобетонные скелеты недостроенных отелей, горы строительного

мусора и окружающую их колючую проволоку. А потом и вовсе началась бесконечная пустыня, от которой кто угодно впадет в дремоту.

С первыми лучами солнца автобус вырулил на улицы египетской столицы. Все вокруг было настолько интересно, что мы вертели головами, как доисторические ящерицы из «Парка Юрского периода». Каир был, действительно, городом контрастов, где небоскребы соседствовали с фанерными лачугами, а немецкие «Мерседесы» лихо обгоняли босоногих велосипедистов.

Высадив нас на площади Тахрир, автобус тут же уехал. Гид объяснил, что стоянка здесь запрещена. Мы потихоньку разминались после долгого сидения и радовались тому, что скоро прикоснемся к знаменитым Пирамидам, которые раньше видели только по телевизору и на картинках. Жара еще не чувствовалась. Солнце было где-то за домами. Но прежде чем покинуть автобус, мы успели сделать по приличному глотку виски.

Каирский Египетский музей располагался в весьма скромном здании, ничем не напоминающем шикарные восточные дворцы. И это неудивительно, потому что строилось оно по проекту французского архитектора, пусть и победителя международного конкурса. Гид предупредил, что фотографировать в музее ничего нельзя, а лишние вещи, в том числе и видеоаппаратуру, лучше сдать в камеру хранения, что мы, собственно говоря, сразу и сделали. Но очень удивились, увидев, что перед одной из закутанных в черные одежды приемщиц на столе спокойно спал ее грудной ребенок! Вот бы сфотографировать! Но все фотки уже были сданы этой самой кормящей мамаше!

В дверях музея нас встретила рамка металлоискателя, «телевизор» для сумок, да еще личный досмотр сотрудников службы безопасности, невзирая на половую принадлежность. Правда, мужиков досматривали мужчины, а женщин - женщины.

С чего начнем? – пройдя металлоискатель, растерялся Роман. – Что тут самое главное, без чего нельзя сказать, что мы были в Египетском музее?

- Наверное, сокровища Тутанхамона? – предположил я.

- Точно!

Мы быстро пошли по залам. Но из всех увиденных нами экспонатов, среди которых были всевозможные украшения, жезлы, сосуды и инструменты, самое большое впечатление произвела погребальная маска Тутанхамона, сделанная из золота и драгоценных камней.

В одном из залов Рома, как вкопанный остановился перед высеченной из кварцита головой Нефертити. Стоял минуты две, потом внимательно посмотрел на Ирку и выдал:

- Вылитая ты!

- Вот еще! – взорвалась девушка. – На себя посмотри!

За осмотр мумий фараонов, которые хранились в небольшом полутемном помещении в стеклянных саркофагах, нужно было дополнительно отвалить еще по тридцать фунтов. С человека. Египтяне на всем делали деньги! Мы им нашего Ленина в мавзолее бесплатно показываем, а они нам своих фараонов –

за фунты! Так ведь наша мумия хоть и труп, а как живая выглядит. Я помню, первый раз в детском возрасте увидел – две ночи спать не мог. Сколько лет лежит – и ничего не делается! Да наш Ленин и сегодня живет всех живых. Одним словом, бесплатно мы бы на их мертвяков, может, и посмотрели, а за деньги – увольте.

Перед обедом в одном из небольших ресторанчиков, что пристроился на берегу Нила, мы снова заправились виски. Да еще хотели взять с собой, чтобы добавить под горячее, но девчонки отговорили. В чужой монастырь со своим уставом не ходят. Кто знает, что от этих улыбчивых арабов ждать? Сдадут в местную кутузку – и пиши потом жалобы в российское посольство.

После овощного обеда с заморскими соусами вместо пирамид нас повезли в так называемый Институт папирусов. Гид хорошо наладил свой бизнес, и в первую очередь вез нас туда, где имел материальный интерес. В итоге минут сорок мы слушали рассказ специалиста по папирусам и вникали в технологию их производства.

- Заколебали! – дымя на улице сигаретой, возмущалась Ирина. – Сколько можно втирать этот бред? Я хоть и хотела купить какую-нибудь картинку на папирусе – теперь назло ничего не куплю!

- Да не принимай ты все близко к сердцу! – успокаивал ее Рома. – Давай лучше накатим по чуть-чуть.

И накатили. Граммов по пятьдесят «Ballantines». Что за экскурсия на трезвую голову? Немецкий «MAN» покатыл нас по бедным кварталам Гизы. И тут совершенно неожиданно показались пирамиды. Народ метнулся к стеклам.

- Хабибы, египетские пирамиды – это единственное чудо света, оставшееся от семи, воспетых греками во втором веке до рождества Христа, - сразу же оживился гид. – Кто из вас, хабибы, назовет оставшиеся шесть чудес – получит приз. Жука-скарабея, который, как я уже говорил, считается в Египте стражем человеческого сердца.

- Колосс Родосский! – тут же подала голос Вера.

- Сады Семирамиды! – присоединилась к ней Ирина. – И еще этот, как его, Александрийский маяк...

- Правильно, Колосс Родосский, Александрийский маяк в Египте, висячие сады Семирамиды в Вавилоне. Что еще?

Гид был строг и наивен.

- Храм Артемиды в Эфесе, - шептал Рома.

- Храм Артемиды! – как школьница, услышавшая подсказку, радовалась Ирина.

- Верно. Осталось назвать еще два чуда света!

- Галикарнасский Мавзолей и статуя Юпитера, - с моей помощью ответила Вера, и мы победили. Под аплодисменты всего автобуса гид вручил нашим спутницам сувенирных жуков.

А в пятистах метрах от нас уже красовались пирамиды.

Чтобы не жарить нас на палящем солнце, гид прямо из автобуса объяснил, где какая пирамида и рассказал историю их происхождения. Оказывается, изначально пирамида Хеопса на девять метров превышала пирамиду Хефрена,

а сейчас в ней осталось только 137 метров. А вот пирамида Микерина, которую гид называл Микки Маусом, была почти вдвое ниже своих собратьев.

Предупредив, что у нас на все про все двадцать пять минут и ровно в половине пятого мы должны сидеть в автобусе на своих местах, экскурсовод открыл дверь. Можно сказать, прямо в историю древнего мира. А реально в невыносимую жару.

Не успели мы сделать по этой раскаленной сковороде и трех шагов, как нас чуть не свалила с ног толпа разновозрастных арабов. Выучив несколько слов по-русски, все они каждый по-своему хотели на нас заработать:

- Москва? – улыбался нам совершенно беззубый старик с непомерно длинными, как у гориллы руками. – Москва - карошо!

- Добрый день! – теснил его смуглолицый паренек в палестинском платке.
- Как дия?

- Эй, Наташа, посмотри! – тыча чуть ли не в лицо Ирине пластиковые пирамидки, атаковал третий. - Купи! Двадцат гиней! Ладно: десат гиней... Не хочешь – как хочешь...

Одни со словами «презент» совали нам с Ромкой какие-то рубашки, но нас предупредили, что стоит взять их в руки, как с тебя немедленно потребуют ответный подарок в виде денег. Мы шарахались, прятали руки за спину и делали вид, что не понимаем русского языка. Развод на «мани» шел по хорошо отработанной программе. Я даже растерялся, увидев столь бесцеремонный напор и натиск.

Вот весьма обходительный араб, галантно подхватив одну из наших туристок за руку, показывает ей, где удачнее всего сфотографироваться на фоне пирамид. Леди довольна. Леди изображает из себя девочку с открытки «Welcome Egypt!» Несмотря на свой центнер веса, крутится, вертится, как шар голубой. Фотограф же, нажав несколько раз кнопку цифровика, с интонацией базарного торговца требует за услугу бакшиш.

- Ашрин гиней! Ашрин гиней! - лопочет он и деловито прячет фотоаппарат в складках своей одежды.

Оказывается, столь невинная услуга стоит по его меркам двадцать египетских фунтов. И только что обрадовавшаяся проявленному вниманию к своей персоне соотечественница уже в полной растерянности и грусти. Увы, но бесплатный сыр бывает только в мышеловке!

- Ай маст би гоуни, - пытается объяснить женщина, что ей надо идти. – Гуд бай!

Но араб, словно не понимает. А может, и в самом деле не понимает.

- Ашрин гиней! - настаивает он, виновато демонстрируя свои огромные, как у лошади зубы. - Ашрин гиней!

Леди в ступоре. На помощь же предприимчивому египтянину уже спешат еще два воинствующих араба. Да они тут все за одно, все из одной шайки-лейки. Пришедшие на помощь возмущаются, размахивают руками и кивают в сторону кэмэл-полисмена – полицейского на верблюде.

А тот и сам, почувствовав, что пора отрабатывать свою долю, уже потихоньку постегивает плеткой верблюдицу. В черной форме, подпоясанный

белым ремнем, полисмен строг и серьезен. Еще минуточку-другую и он прискачет вершить правосудие! Но, не дожидаясь встречи со служителем закона, туристка откупается десятью египетскими фунтами (оказывается здесь тоже можно торговаться) – и получает свой фотоаппарат.

Ирине предложили сфотографироваться на верблюде.

- Мадам! Верблюд! – беззубо улыбался прожженный на солнце абориген.

- Сколько?! – спросила та. – Хау мач из ит?

Араб промолчал.

- Вера, сфоткай меня на животном! – Ирина сноровисто, словно всю жизнь только этим и занималась, оседлала «корабля пустыни». Верблюдица тяжело поднялась и вдруг, проявляя неожиданную резвость, понеслась куда глаза глядят.

- Снимите меня ради Бога! – заверещала девушка.

Погонщик побежал следом:

- Ван долларз, мадам!

- Вера, дай ему доллар!

- У меня только десятка, - копалась в сумке Вера. – Чего делать-то, десятку давать?

- А жирно ему не будет? – привыкнув к своему положению, позировала перед фотоаппаратом Ирка. – Пусть сначала остановит своего питомца, а там разберемся.

Свое сошествие на землю Ирина оценила в затертую местную купюру, достоинством в пять египетских фунтов.

- Данкэ! – поблагодарила она своего «спасителя» по-немецки. – И ауфвидэрзеен!

И это была суцкая ерунда по сравнению с разводкой, о которой нам потом рассказали в отеле. Оказывается, довольно многие полицейские у пирамид не прочь подработать. С приветливой улыбкой они предлагают нашему брату показать площадку для фотографирования с неземной панорамой. Доверчивые туристы верят стражам порядка, поднимаются на первые ступеньки пирамиды – и тут же вырастает еще один полицейский, более старший по званию, и штрафует экскурсантов: оказывается, залезать на пирамиды запрещено законом.

Пробираясь сквозь свору преследующих нас торговцев, мы направились к Сфинксу. Ирина с Верой всю дорогу высматривали сувениры. Больше всего их заинтересовали статуэтки богов в виде животных. Но качественные изделия из базальта и гранита стоили дорого, а изделия из алебаstra и гипса покупать не хотелось потому, что они быстро теряли товарный вид.

Самым популярным египетским сувениром был, конечно же, Скарабей, приносящий счастье, гармонию и удачу. Скарабей – знак бога Амон-Ра, создателя вселенной. Первые амулеты в виде скарабея появились еще во времена фараонов, считай, пять тысяч лет назад. Но нашим девушкам больше понравились черные египетские кошки, может быть, потому что и в них самих от природы было что-то кошачье.

Рома клюнул на «арафатку» - палестинский платок, чем-то напоминающий скатерть, поверх которого надеваются два черных круга. Такой необычный наряд спасает арабов от жары: хорошо защищает голову от солнечных лучей, развеивается на ветру и пропускает через ткань свежий воздух. Изначально торговец из платочной мафии заломил за фирменный «знак Ясира Арафата» пятьдесят гиней, но потом сторговались на двадцати. Рома был счастлив.

Как ни странно, но именно возле Сфинкса было самое удачное место для фотографирования. Позади гигантского льва открывался изумительный вид не только на сами пирамиды, но и на окружающие пески. Такого счастья наши девушки пропустить не могли. Они дорвались до фотографирования, как голый до бани. Для пущей надежности старались в два фотоаппарата. Сначала Ирина, вытянув руку, вставляла так, чтобы дальняя пирамида как бы оказалась у нее на ладони. Потом этого же самого добивалась Вера. Не знаю, что за шедевры у них в итоге получились, но как только девушки вошли в автобус, мы с чувством выполненного долга тронулись в обратный путь.

Роман с Ириной, как старшеклассники на вечернем киносеансе забились на последние места. Мы с Верой устроились перед ними. Так было удобнее добывать остатки виски.

Каир угасал в лучах уходящего солнца. Столичные небоскребы сменялись серыми железобетонными зданиями, а ближе к окраине и вовсе пошли какие-то самостийные мазанки. Да, и впрямь это был город контрастов, где роскошь соседствовала с нищетой. Битком набитые рейсовые автобусы мчались с открытыми дверями и окнами. Люди ехали с работы в кузовах грузовиков, сидели, свесив ноги, в фургонах, катили на мопедах и велосипедах. Но, заметив шикарный автобус, добродушно махали нам руками, что-то кричали на своем языке – и мы, изрядно накачавшиеся вискарем, отвечали им тем же.

Ни что не утомляет так, как долгая дорога. Но обратная дорога, кажется всегда короче. Для полного комфорта водитель включил арабскую музыку, которая добавляла колорита в проплывающую за окном панораму бескрайних песков.

Стемнело быстро, практически мгновенно. Народ расслабился и дремал, кто-то даже храпел. Я приложил голову Вере на плечо, а моя рука, как бы невзначай забралась к ней в шорты. На разведку. Мы занялись тем, что в специальной литературе называется – петтинг и приписывается исключительно подросткам. Но, как показала дорожная практика, может доставлять удовольствие и людям среднего возраста.

Что творила парочка сзади, судя по их телодвижениям, было догадаться не сложно. Пыхтя от удовольствия, как разогнавшийся паровоз, Ирина прыгала у Ромки на коленях. Но принятый алкоголь, не очень-то подходящая для секса обстановка и давящая теснота мешали парочке поставить точку.

За окнами стояла тьма египетская, и только фары встречных машин на какое-то время выхватывали окружающую действительность - тогда потерявшие стыд любовники на время притихали. Но стоило автобусу снова провалиться в темноту – как скачки возобновлялись с удвоенной энергией. Более того, на каком-то этапе Ирина даже включила звук: «Рома... давай,

давай, мой милый! Ну, Рома... Еще чуть-чуть... давай я помогу! – набирая темп, шептала она. – Вот так, радость моя... Давай, Рома! Давай! Еще!.. Ро... ма... Ой!.. Просто с ума сойти...»

По законам сценарного мастерства спектакль близился к завершению, но последняя фраза, как ложка дегтя испортила всю постановку: «Я же просила в меня не кончать!.. Урод!»

9

Когда все складывается довольно хорошо, и даже более чем хорошо, обязательно жди какую-нибудь гадость. Это равносильно закону падающего маслам вниз бутерброда.

- Валер, давай это... сегодня ночью махнемся! – завел разговор Рома.

- Чем? – не понял я.

- Да бабами нашими!.. Устроим что-то вроде отвальной. Типа египетского прощального вечера. Выпьем и махнемся по пьяному делу.

- А им это надо?

- Валера, кто их спрашивает? Или ты, наивный, думаешь, что они в Египет только купаться да загорать приехали? Извини, но это явно не тот формат. И нечего с ними чикаться... Ты к Ирке под бок завалишься – ей, по-моему, вообще по барабану где, с кем и сколько. А я этим временем к Верунчику подкачу. Меня на нее, честно говоря, в последние дни больше тянет... Фигурка, попка... Отличный станок! Как думаешь, не заартачиться? А то еще настрочит в полицию заявление об изнасиловании... Ха-ха-ха, - веселился Роман.

- Не знаю, не интересовался.

- А ты поинтересуйся... Сделай тонкий намек на толстые обстоятельства... Валер, только не обижайся, я ведь все-таки тебя помоложе! Хоть и говорят, что старый конь борозды не испортит, но ведь и глубоко не вспашет... Вере понравится. Стопудово... Я гарантирую. Ирка от меня на стены лезет! Так что будь готов! Валер, что надо ответить?.. «Всегда готов!»

Я промолчал. И не только потому, что в это время чистил зубы. При всем своем далеко не блещущем моралью образе жизни, пока я находился со своей избранницей, я старался ей не изменять. И никому не уступать. После меня хоть потоп, живите и размножайтесь сколько душе угодно, а при мне не надо! Даже если бы инициатива исходила от самой Веры, то ни о какой групповухе все равно не могло быть и речи. Таков был мой ответ Чемберлену.

Но предложение Ромы не выходило из головы.

Я попробовал о нем забыть и думать о чем-нибудь другом. Например, о морской прогулке на рифы. О мелких подарках и сувенирах, которые нужно обязательно купить вечером. Для друзей и знакомых. Даже о работе, на которую я, так или иначе, скоро вернусь...

Но как только я думал о Вере, на которую сегодня вечером у меня были свои планы, тут же вспоминался недавний разговор. И самое страшное заключалось в том, что по большому счету Рома был прав. Конечно, Вера с Ириной прилетели в Египет не только купаться и загорать! Это факт! И если бы сразу по прилету Рома выбрал Веру, а мне оставил Ирину, то дальнейшие

события развивались совсем по другому сценарию. Это тоже факт. Тогда, скажите мне, что страшного в том, что он решил реализовать свой план?

И вот здесь логика моего мышления летела под откос... Я понимал, что не хочу уступать Веру, даже если она сама будет не против! Кто она мне? Жена? Любовница? Сожительница?.. Никто. Просто, благодаря удачному стечению обстоятельств, устроила мне маленький праздник Любви, о котором я давно мечтал, и который, может быть, запомнится мне до конца моих дней. А это уже не мало.

- Рома, я против твоей затеи, - сказал я прямо в лицо приятелю.

- В смысле?

- В смысле обмена.

- Заболел, что ли? – рассмеялся Роман, и, выразительно посмотрев мне в глаза, как доктор больному, продолжал. – Частнособственнический атавизм проснулся? Обостренное чувство ревности покоя не дает? Скрывай! Не семнадцатилетний мальчишка, чтоб за каждую юбку цепляться!.. Все-таки человек с высшим образованием!

- Причем тут высшее образование?

- А притом! – смеялся Роман. – Надо бы уже понять, что ревность – удел слабаков, недоумков, пэтэушников. Ладно, не будем загадывать, что получится, но я от своей затеи не отступлю!

- Я тоже.

Поговорили, называется. Обменялись парой ласковых.

Даже на коралловые острова ехать расхотелось. И если бы не горящие огоньки в Вериных глазах, не ее веселое настроение, я бы остался загорать у бассейна. Лежал бы себе бревном, не двигаясь. Да. В ревности и в самом деле нет ничего привлекательного!

Двухпалубная прогулочная яхта рассекала задремавшее море с завидной скоростью. Шумная разноперая публика, собранная из близлежащих отелей, подставляя лица брызгам, тусовалась наверху. Роман травил анекдоты:

- Звонок на сотовый: «Мальчик, позови, пожалуйста, папу» – «Не могу» – «Почему?» – «Умер» – «Как так?..» – «Бульдозером переехало» – «Тогда маму позови» – «Не могу» – «Почему?» – «Тоже умерла, ее бульдозером задавило» – «Тогда дедушку зови!» – «И он мертвый» – «Как мертвый?!» – «Под бульдозер попал» – «Ну, а бабушка где?» – «Лежит мертвая – ее тоже бульдозером переехало!» – «Послушай, мальчик, а что же ты тогда там один делаешь?» – «Я на бульдозере катаюсь!»

Девчата рассмеялись.

- Валер, а ты чего такой серьезный? – поинтересовалась Вера.

- Ему к жене возвращаться не хочется, - вставил Рома. – Но придется!

Это был удар под дых.

- Правда? – удивилась Вера. - А я почему-то думала, что Дымов не женат...

- Слушай его больше, балаболку, - выправила ситуацию Ирина.

Яхта бросила якорь, и отдыхающие, как бывалые подводники принялись разбирать ласты и маски для подводного плавания.

- Девочки, держитесь поближе ко мне! – объявил Рома и солдатиком прыгнул с борта. Я за ним. Девчата, двигаясь в ластах, как пингвины медленно спускались по лесенке.

Я опустил голову в воду и ошалел: подо мной кружились десятки, а может и сотни ярких тропических рыбок. Серебристые сардинеллы, ярко-голубые пелагиды, тунцы, макрели. Подводный мир Красного моря, словно неизведанная планета, открывался во всей своей сокровенной красоте.

Если бы не бултыхнувшаяся рядом Вера, то я, наверное, забыл обо всем на свете. Как истинный джентльмен я тут же подплыл к ней и стал показывать, как правильно держать трубку. Вера была хорошей ученицей. И спустя полчаса мы с ней запросто могли бы демонстрировать барахтающимся рядом пенсионерам несложные элементы парного плавания.

Но вот с яхты запахло жареной на гриле рыбой – и оголодавший народ с пиратским проворством пошел на abordаж.

- Девочки, еще пят минут! – уговаривал их араб Ахмед. Но девочки знали, что египетские «пять минут» могут растянуться на час. И поверив Ахмеду, они останутся не только без обеда, но и без ужина.

Пока арабский кок колдовал над рыбой, обкладывая ее картошкой фри и дольками лимона, его двадцатилетний помощник – бронзовый от загара Али выдавал напитки: на выбор по бутылке фанты или пива. Я взял к рыбе уже знакомое пиво «Sokara».

В небе показался самолет. Но не авиалайнер, как мы сначала подумали, а совсем небольшой, скорее всего двухместный, самолетик. Он кружился над нашей яхтой очень низко, словно кого-то высматривая. Подкрепившиеся рыбой отдыхающие радостно махали летчикам ластами.

- Это Дымова жена разыскивает! – снова напомнил о себе Рома.

- Нет у него никакой жены! – треснула его по лбу Ирина. – Скажи, Валера?

- Пока нет, - подыграл я. – Вера, выходи за меня замуж?

- Он сделал предложение! – веселилась Ирина. – Все слышали? Эй, там, на самолете, вы слышали, что Дымов сделал моей подруге предложение руки и сердца?

- Не слышали! – издевался Рома. - У него же глухонемая жена...

К яхте причалил катер, с логотипом «nestle» на борту. Ахмед стал собирать со сладкоежек деньги на мороженое. Удивительное дело, но всем сразу как-то захотелось мороженого, особенно облезшим от загара пенсионерам. Хотя предложи Ахмед скинуться на водку, народ так же дружно стал бы сдавать бабки на спиртное. Жаль, что в мусульманской стране, алкоголь не в почете. И моим разгоряченным солнцем и пивом соотечественникам приходится довольствоваться мороженым. Да еще и «nestle»!

Через полчаса мы достигли коралловых рифов. И хотя никто из отдыхающих их не увидел, об этом громогласно заявил Ахмед, указывая на какой-то островок. Народ, чуть ли не ломая ноги, побежал хватать ласты и маски. И через две минуты самые нетерпеливые уже плыли в указанную сторону. Рома, естественно, в числе первых. Он сегодня просто сгорал от желания быть лидером. Но, кажется, совсем не подозревал, что в свои без пяти

минут сорок я тоже неплохо плаваю и ныряю. Для человека, выросшего на берегу Волги, это и не удивительно. Все лето я безвылазно на реке, а когда ее, текущую из далека долго, сковывает льдом, переключаюсь на плавательный бассейн, отсчитывая круги на двадцатипятиметровой дорожке.

Без особого труда, даже не напрягаясь, я догнал соседа: знай, мол, наших, развернулся и поплыл обратно. На спине. А Роман, почувствовав под ногами дно, как одержимый кинулся на берег.

«Давай, брат, давай! - снисходительно улыбнулся я. – Большому кораблю – большое плаванье!»

Но не успел отплыть и десяти метров, как услышал Ромкин крик! Стыдно признаться, но первым делом я почему-то подумал об акуле. Хотя какие к черту могут быть акулы в Красном море? Электрический скат? Медуза? Морская змея? Наверняка, не одни только красивые безобидные рыбки разгуливают в здешних глубинах?

В считанные секунды я вернулся к перепугавшему меня приятелю:

- Что случилось?

- Да ногу, блин, порезал, - Ромкино лицо перекосило от боли.

Он высунул из воды рассеченную пятку, из которой сочилась кровь.

- Осторожнее надо. Тут же сплошные кораллы, а они как бритвенные лезвия. Держаться на воде можешь? Тогда поплыли на яхту!

- Ой, сука, и вторую распорол! – теперь Рома в полной мере осознал последствия своей беспечности. – Долбаный остров!

Увидев на палубе кровавые следы Ромкиных ног, одна из женщин потеряла сознание. На яхте началось что-то вроде вавилонского столпотворения. Ахмед притащил несколько полотенец, которыми быстренько замотали порезы. Ни бинтов, ни лейкопластыря, ни йода у капитана, конечно, не было.

Ирина с Верой суетились возле пострадавшего больше всех. Романа усадили в кресло, а ноги задрали на спинку другого кресла – таким образом, по мнению большинства, кровотечение должно было прекратиться.

Пока я с наивностью думал, что через минуту – другую арабы вызовут вертолет или на худой конец спасательный катер – и Ромку эвакуируют на берег, Али врубил громкую музыку, и яхта тихо пошла в сторону очередного рифа.

Покурившая кальян молодежь устроила на нижней палубе танцы. О Роме забыли, да он и сам не горел желанием все время быть в центре внимания. Слава Богу, кровотечение прекратилось. Кто-то сунул страдальцу фляжку виски, и тот присосался к ней, что не оторвать. Хозяин бутылки улыбнулся во все свои тридцать два зуба: «Пей, парень, тогда уж все до дна вместо обезболивающего укола!» Но Ромке стало хуже. Алкоголь быстро разогнал кровь по сосудам – и с промокших тряпок на пол поползли темно-бурые капли. Вера с Ириной, как сестры милосердия приступили к перевязке. Больной рычал от боли, а они отдирали от его пяток присохшие полотенца, чтобы замотать их новыми, свежими и чистыми.

К берегу причалили только в половине шестого. Но ни врачом, ни машиной «неотложки» не пахло. Повиснув у нас с Верой на плечах, Рома

воробьиными шагами поскакал на причал. Осознавал ли его нетрезвый мозг, что эти страдания могли быть возмездием за его необузданную похоть? Вряд ли. Но я успокоился. Даже при всех еще нераскрытых Ромкиных талантах и способностях, он уже не мог помешать нашим с Верой отношениям.

Кое-как добравшись до отеля, мы оказались перед выбором: звонить в Москву, чтобы сообщить о страховом случае или сначала попробовать связаться с каким-нибудь местным врачом. Ромка боялся, что, если в страховой компании узнают, что он находится в состоянии алкогольного опьянения, то в выплате денежной компенсации ему потом откажут. Оставался арабский доктор, который приехал по звонку из гостиницы в девятом часу вечера.

В сопровождении горничной и администратора он поднялся в наш номер, размотал окровавленные тряпки, внимательно осмотрел раны и сказал, что его услуги будут стоить двести американских долларов. Роман бросил на постель две сотенных купюры. Доктор благодарно кивнул и убрал деньги в карман. Все его лечение свелось к тому, что он обработал раны йодом и какой-то мазью, сделал в каждую пятку по уколу и тщательно забинтовал. Два одноразовых шприца и пустые ампулы он оставил на тумбочке. Написал какую-то бумажку, номер своего сотового телефона и откланялся.

Ирина осталась при больном в качестве ночной сиделки, а мы с Верой отправились на местный Бродвей прикупить недорогих сувениров.

10

- Ну и денек сегодня! – тяжело вздохнула Вера, когда мы пришли к ней в номер. – По глотку виски?

Но по глотку не получилось. Засосали всю бутылку – не оставлять же вместо чаевых горничной? Лишили тетку радости, а себя сна. После виски меня, естественно, потянуло к морю. Нужно было проститься, бросить монетку, ведь завтра улетаем.

Мы шли босыми ногами по еще теплему песку. Море штормило и вместе с пеной оно выносило на берег спутавшиеся водоросли, ракушки и камни. Заходить в воду было неприятно. Мы слегка помочили ноги и швырнули в пучину несколько монеток с изображением Георгия Победоносца. Пусть знают, пусть помнят!

В ночной темноте наш отель, словно огромный океанский лайнер, переливался в ярких огнях. На этажах-палубах еще гудела ночная жизнь, а на пляже, кроме нас с Верой, казалось, не было ни души. И поэтому, увидев знакомую беседку, выбранную нами когда-то для любовных утех, мне захотелось их повторить.

- Может, лучше в номер пойдем? – угадав мое желание, из приличия произнесла Вера. Но по ее как-то сразу затрепетавшему телу, я уловил, что желание у нас обоюдное.

- Номер никуда не денется, - деловито стаскивая с себя шорты, ввернул я. – А на берегу моря - какая-никакая романтика!

Процедуру раздевания я почему-то начал с себя – так меня больше заводило. Сел на лавку и, испытывая небывалый прилив сил, усадил Веру к себе на колени. Мы слились в затаенном, как прыжок с парашютом поцелуе.

- Тебе не тяжело? – прошептала она, устраиваясь удобнее.

- Мне хорошо...

- И мне тоже хорошо...

Чувствуя друг друга каждым движением и дыханием, мы не спеша плыли по бескрайнему морю любви. И с каждой минутой наши ощущения, словно картинки в детском калейдоскопе, становились все интересней и захватывающей. Но стесненность в движениях из-за принятой позы мешала выходу на финишную прямую. И Вера не выдержала:

- Валер, давай лучше стоя!

- Вставай!

И мы снова понеслись в любовную даль. Но теперь уже, как необузданные жеребята, впервые вырвавшиеся на свободу. Мы неслись, спешили, как можно скорей оторваться от земли. Казалось, еще движение, еще толчок – и мы счастливо воспарим над окружающим миром...

Но не тут-то было!

- Wie verbringen Sie Ihre Freizeit? – неожиданно раздалась поблизости немецкая речь. - Tanzen Sie gern?

И из темноты выплыла идущая в обнимку парочка немцев. Словно близорукие, они шли прямо на нас. Рыжеволосый юноша крепко сжимал свою мелкую подружку и расспрашивал, как она проводит свободное время, любит ли она танцевать? И тут прямо перед ними предстали мы с нашим сексуальным танцем! Наконец-то разглядев нас сквозь очки, молодой человек растерялся:

- Guten Abend! – с улыбкой произнес он, желая нам доброго вечера.

- Гутэн абэнд! – прохрипел я, не прекращая движений.

Откровенно признаться, в этот момент нам было как-то не до них.

- Entschuldigen Sie bitte! – извинился немец, и парочка растворилась.

- Кто-то приходил? – приходя в себя, спросила Вера.

- Официант, - я еще мог шутить.

- И что ему было надо?

- Спрашивал, не принести ли шампанского?

- А почему он говорил по-немецки?

- Наверное, потому что он немецкий официант!

Рассмеявшись, мы стали потихоньку одеваться. Стоило поберечь силы. Впереди у нас была – подумать страшно - еще целая ночь!

Нетрезвой походкой мы с Верой продефилировали мимо сидящих у бассейна немцев, поднялись в номер и как подкошенные рухнули на постель. Минуты через три, кое-как скинув с себя одежду, мы вспомнили сцену из кинофильма «Маленькая Вера». И тут надо отдать должное, Вера оказалась неплохой наездницей, продержавшись в седле минут двадцать! Одновременно придя к финишу, мы уснули без задних ног.

Под утро в дверь постучали! Громко, настойчиво! Так решительно стучать могла только полиция. Мы на всякий случай затихарились. А ну, как в советские времена, начнут сверять фамилии в паспортах?

Дверь открылась – и в номер вбежала Ирина.

- Рома умер! – выпалила она.

- Как умер? - не поняли мы спросонья, но все равно сразу пришли в движение, как два муравья в растревоженном муравейнике.

- Там... – выла Ирина, показывая вверх рукой. – Он там... мертвый!

- Да успокойся ты, успокойся! Сейчас разберемся, - вертелись мы возле нее. – Попей водички!

Надо было что-то делать, что-то предпринимать. И мы кинулись на пятый этаж, в 527-й номер. Мало ли что пьяной бабе примерещится! Может, допились вчера до белой горячки...

Дверь была не заперта – Вера, как клещ вцепилась в мою руку, и мы вошли.

Честно признаться, зрелище было не для слабонервных. Ромкино тело пребывало в какой-то жуткой, неестественной позе. Голова закинута на подушку. Лицо перекошено, рот открыт. В глазах пустота. Спутавшиеся на ногах бинты насквозь пропитаны кровью. Кровавые мазки повсюду – на пододеяльнике и простыни.

Конечно, в тридцать лет умирать нелепо и обидно. И главное - несправедливо. Знать бы Роме, что этой ночью все так печально закончится, так он бы и на коралловый остров не поплыл, и Ирину за километр стороной обошел, и на Веру планов не строил, да и вообще вряд ли полетел в Египет. Себе на погибель. Как установил египетский судмедэксперт, русский турист умер от несовместимой с жизнью кровопотери.

В день нашего вылета из Хургады отправлялось сразу несколько рейсов, и аэропорт буквально задыхался от русских отдыхающих.

Пользуясь столпотворением, египетские пограничники с удовольствием забавлялись досмотром наших соотечественниц. Когда приглянувшиеся им молодые девушки, заранее сняв с себя все металлическое, проходили через рамку, египтян нажимал кнопку на ручном металлоискателе, раздавался знакомый писк, и туристка покорно шла в его лапы. Ирину с ее пышными формами вынудили проходить контроль четыре раза. Веру, шедшую в моем сопровождении, пограничники пощупать не решились.

Спустя пять часов «Боинг-767» «Красноярских авиалиний» совершил посадку в аэропорту Домодедово.

Стоя рядом с Верой в ожидании багажа, я почувствовал себя лишним. Я мешал. И действительно, как только моя недавняя любовница, катя за собой чемодан, показала в зале прибытия, к ней тут же подскочил высокий молодой человек с букетом цветов. Вера, словно десятиклассница, привстала на носочки и чмокнула его в щеку.

Арабская сказка закончилась.

На улице меня ждала дождливая, мерзопакостная осень. И я понимал, что совсем скоро по всем законам природы накатит зима.

2009.

